

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ

№ 150

М.Н. ГУБОГЛО

МОБИЛЬНОСТЬ
И
МОБИЛИЗАЦИЯ

Москва
2002

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 150

М.Н. ГУБОГЛО

**МОБИЛЬНОСТЬ
И
МОБИЛИЗАЦИЯ**

**Москва
2002**

ISBN 5-201-13758-x (11)

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 150.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

*К 70-летию
Института этнологии и
антропологии РАН*

Документ № 150

М.Н. ГУБОГЛО

МОБИЛЬНОСТЬ И МОБИЛИЗАЦИЯ

Об авторе

Губогло Михаил Николаевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии Российской академии наук. Специалист в области этносоциологии, этнологии и этнополитологии и двуязычия. Автор более 700 работ, в т.ч. 7 индивидуальных монографий.

About the Author

GUBOGLO, MICHAÏL N.

Doct. of Hist., prof., the Head of the Center of the Interethnic Relations at the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
Fields of scientific interests – ethnosociology, theory of ethnology, ethnopolitics and by bilingualism.

Summary

GUBOGLO M. MOBILITY AND MOBILIZATION.

The paper presents ideas, conceptual-instrumental frame and some preliminary results of ethno-sociological survey. The aim of the survey is to assess position, task and mission of several types of identities – such as ethnic, gender, religious, regional, material (property) – within a changing context of Russian reality.

Revision of nature of former identities alongside with forming of new identities, analysis of their interrelationship with mobility and mobilization, as well as with tolerance and solidarity allows to extend the perceptions of adaptation-mobilization intentions next to technologies and achievements of diverse social groups within transition circumstances of RF.

Informational background of the project represents triune perspective – cognitive (competence), conative (behavior), attitude (position) – and triune domain, namely: strive of the people towards creation of civil society and democratic state together with strive of peoples towards preservation of distinctiveness.

ОТ РЕДАКТОРА СЕРИИ

3 февраля 1983 г. в связи с пятидесятилетием «за заслуги в развитии этнографической науки и подготовке научных кадров» Указом Президиума Верховного Совета СССР Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР был награжден орденом Дружбы народов.

За истекшее после награждения время, и особенно в постсоветский период, Институт отстоял и закрепил за собой позицию ведущего в России исследовательского центра в области этнологии, социально-культурной и физической антропологии. Были продолжены фундаментальные исследования в смежных дисциплинах, таких как этносоциология, этноархеология, этнодемография, этнопсихология, этнолингвистика.

В первом постсоветском десятилетии появились и уже получили общественное признание новые направления эволюционной, политической и юридической антропологии, этнополитологии и конфликтологии.

Необходимость учета этнического фактора в контексте социальных процессов и явлений, а также в сфере государственной политики и управления обусловила активное участие этнологов в разработке концептуальных и инструментальных подходов и теоретических основ этничности, многокультурности, этнической мобилизации и межэтнических конфликтов. Несмотря на трудности периода глубоких социальных трансформаций, сотрудниками Института было издано 48 книг в 1992 г., 98 – в 1993 г., 55 – в 1994 г., 80 – в 1995 г., 53 – в 1996 г., 68 – в 1997 г., 76 – в 1998 г., 72 – в 1999 г., 54 – в 2000 г., 56 – в 2001 г.

К середине 2000 г. было издано 145 выпусков серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» и 108 индивидуальных монографий, сборников статей, документов и материалов в рамках проекта «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве».

Свидетельством успешной инкорпорации этнологических исследований в систему современных вызовов является не только динамичный рост публикаций и участие этнологов в разработке государственной политики в области межэтнических отношений, но и продолжение традиций крупномасштабных этносоциологических исследований. Примером такого рода является инициированный М.Н. Губогло проект «Электрокардиограмма (ЭКГ) социальных трансформаций», который уже реализован в двух из четырех республик Приволжского федерального округа. Публикуемый ниже замысел этого исследования исходит, во-первых, из понимания многокультурности, как многомерного явления, от уровня личности до уровня целого народа; во-вторых, основанного на различии и вместе с тем сочетании факторов социальной мобильности и политической мобилизации граждан; в-третьих, на постоянно изменяющемся балансе этнической лояльности с широким спектром других идентичностей человека - от гендерной до гражданской, от семейной до профессиональной, от религиозной до региональной т.д. Без анализа всех этих факторов вряд ли возможно адекватное понимание современных этнополитических процессов в регионах России и эффективное ими управление.

Хотелось бы надеяться, что реализация этого проекта, посвященного 70-летию нашего Института, явится позитивным примером и для остальных подразделений и сотрудников Института.

Валерий Тишков

**АДАПТАЦИОННО-
МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС
(АМК) НА НОВОМ ЭТАПЕ
РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Россия вступила во второе десятилетие трансформационных процессов. Накопленный опыт показал, что реформы не будут иметь успеха, если не будут действовать адаптационно-мобилизационные материалы, духовные, стимулы и механизмы, благодаря которым одна часть людей в качестве ведомых вовлекается в осуществление реформ, в то время как другая – в качестве самомобилизующейся и мобилизующей («направляющей и руководящей») увлекает первых своим примером. При этом предприниматели, бизнесмены, представители государственных структур вряд ли будут иметь личную заинтересованность в приумножении собственных усилий для общественного блага. Этот суровый приговор, вынесенный выдающимся американским политологом Джерри Хаффом, прекрасно осведомленным о реальном балансе коллективистских и индивидуалистских начал как в бывшем СССР, так и в нынешней России, не лишен оснований¹. Обе вышеуказанные группы населения, назовем их пассивными участниками и активными проводниками преобразований, в отличие от тех, кто сопротивляется нововведениям, являются сторонниками реформ, а не оппозицией.

Вступление России во второе постсоветское десятилетие, актуализирует исследование условий, факторов, важнейших тенденций и основных итогов трансформационных процессов, а также возможность прогноза перспектив социально-экономических и этнополитических изменений с точки зрения кратковременных и долговременных задач сегодняшнего и завтрашнего дня.

Некоторые выводы, сделанные на основе крупномасштабных этносоциологических исследований, проведенных Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН совместно с американскими и отечественными коллегами, отражают экономические, политические, социальные итоги трансформационных процессов. Важнейшие выводы изложены в работах на-

ших российских² и зарубежных³ партнеров, а также в трудах сотрудников ЦИМО⁴, в индивидуальных монографиях и публикациях, защищенных в качестве докторских⁵ и кандидатских диссертаций⁶.

По всем канонам социологического исследования изложение замысла проекта принято сопровождать обзором исследований. Книг, посвященных трансформационным процессам, многогранному, крайне противоречивому периоду истории России, вышло немало. Нельзя, в частности, не указать несколько изданий, оказавших доктринальное влияние на формулировку излагаемых ниже гипотез и задач задуманного исследования.

В сборниках Института социологии⁷ и Института социально-политических исследований⁸ РАН трансформационные процессы анализируются под углом зрения различных концептуально-инструментальных подходов на основе общероссийских и региональных социологических опросов, регулярно осуществлявшихся в 1990-е гг. В ходе исследований сделан ряд обстоятельных выводов о сдвигах в социальной структуре общества, о тенденциях развития межэтнических взаимоотношений, о масштабах и динамике адаптации различных групп населения к меняющимся условиям жизни, о взаимосвязи социально-экономических, этнополитических и социально-культурных процессов, о меняющихся ценностях и социальном самочувствии различных групп населения, об электоральных предпочтениях и социально-политических ситуациях.

Серьезного внимания заслуживает 2-х томное сочинение популярных еще с советских времен авторов Л.А. Гордона и Э.В. Клопова⁹, как и в прежних трудах насыщенное обильным фактическим материалом и оригинальными интерпретациями, в том числе предложенное ими новое понятие «народного большинства». Анализ динамики социально-экономических различий между регионами, произведенный авторским коллективом под руководством академика РАН А.Г. Гранберга, выявил факторы, которые приводили к серьезным социальным противоречиям¹⁰.

Необычайно популярны, судя по повторным изданиям и допечаткам тиража, страстные научно-публицистические работы С.Г. Кара-Мурзы¹¹, особенно второй

том его диалогии «Советская цивилизация», в которой предпринят обстоятельный анализ кризисных явлений советского строя и постсоветского времени¹².

Из потока непереуверенной литературы выделяются фундаментальные монографии Дэвида Лейтина¹³ и Джерри Хаффа¹⁴, основанные на социологических опросах, проведенных в России и странах СНГ. Динамике социально-экономического положения русских в бывших союзных республиках СССР посвящен коллективный труд ученых Нидерландов и России¹⁵.

Серьезный вклад в анализ взаимодействия формирующейся идентичности и меняющейся среды, возникающих в связи с этим конфликтов внесли новейшие публикации Амина Маалоуфа¹⁶, Брайана Бэрри¹⁷ и Вамика Волкана¹⁸ и ряда других исследователей.

Из переводной литературы важными в методологическом плане являются монография Бенедикта Андерсона «Воображаемое сообщество»¹⁹, сборник переводов из произведений Э. Геллнера, Э. Смита, Кэтрин Вердери, Э. Хобсбаума, Юргена Хобермаса и других²⁰ фундаментальных трудов по новейшим направлениям политической мысли²¹, монографий, посвященных формированию рыночной экономики в России²².

Принципиальной установкой при разработке нашего проекта явилось следование традиции, основанной, по определению В.А. Тишкова одним из «родоначальников отечественной этносоциологии»²³ Ю.В. Арутюняном. Суть новаторского подхода, реализованного в нескольких широкомасштабных проектах, составивших фундамент сформировавшейся в течение последних двух десятилетий накануне распада Советского Союза советской этносоциологии, состояла в разрешении ряда оригинальных задач по выявлению «роли национальной принадлежности и других национальных факторов (язык, поведение) в процессах социальной мобильности»²⁴.

Второй отправной точкой, также хорошо разработанной в этносоциологических исследованиях, является идея о том, что в основе формирования современных идентичностей и комплекса адаптационно-мобилизационных интенций и технологий лежит взаимодействие личности с внешней, как материальной, так и духовной средой.

В программу предлагаемого проекта наряду с изучением национальной принадлежности, включаются задачи по исследованию проявлений религиозной и гражданской идентичностей, которые вместе с экономической (или имущественной, по другой терминологии), гендерной, семейной, региональной, профессиональной и некоторыми другими, играют немаловажную роль в современных трансформационных процессах. Принципиальная новизна данного проекта заключается, таким образом, в смещении фокуса внимания с явлений социальной мобильности на процессы социальной адаптации и политической мобилизации.

Опорной конструкцией этносоциологии как системы знаний о социальных процессах в разных этнических средах и об этническом многообразии социальных процессов и явлений является понятие социального формирования индивида, т.е. процесса, выражаемого в понятиях социальной мобильности – вертикальной и горизонтальной, межпоколенной и внутриспоколенной²⁵. На карте жизненного пути человека социальная мобильность инструментально фиксировалось в разных точках с тем, чтобы была возможность сравнений социально-профессиональных позиций представителей, по крайней мере, четырех поколений: бабушек и дедушек, родителей, самих опрашиваемых и их детей²⁶.

Иными словами, в этносоциологии изучается подробнейшим образом история формирования социально-профессиональной идентичности человека с учетом его этнической принадлежности. Сегодня, в условиях неограниченной дифференциации и поляризации социума, особую актуальность приобретают задачи выявления сходств и различий между разными идентичностями и изучение их роли в процессе приспособления к новым условиям жизни. Если сравнивать различные типы социальных структур и многообразие этнических культур, то можно, оставаясь в рамках популярного некогда социального эволюционизма, признать, что происходит магистральное движение к всевозрастающему усложнению. Однако тезис о том, что чем сложнее социум, тем большей выживаемостью он обладает, продолжает оставаться спорным.

В отличие от социальной мобильности, подразумевающей обязательное повышение статуса при вертикальном восхождении, или неперенные территориальные перемещения при горизонтальной мобильности, мобилизация может иметь место и без изменения социально-профессионального статуса, а в некоторых случаях при его деформации или понижении. Таковы, например, действия кандидата наук, который, оправившись от шоковой терапии Е. Гайдара, открыл собственную мастерскую по производству светильников, или случай, когда преподавательница научного коммунизма устроилась посудомойкой в частном ресторане.

Согласно устоявшимся в социологии определениям, мобилизация представляет собой разновидность технологий, с помощью которых индивид или несколько лиц, сплотившихся в группу на основе общих интересов, накапливают ресурсы для организации коллективных действий во имя достижения какой-либо общей цели. Мобилизация представляет собой переход из пассивного состояния в активное, и превращает участников коллективных действий в акторов общественной жизни.

Со времени выхода в свет книги Чарльза Тилли «От мобилизации к революции»²⁷ понятие мобилизации утвердилось в социологии при изучении коллективных действий, особенно в литературе, посвященной социальным движениям и революциям. Мобилизация обычно проявляется в форме мобилизации ресурсов, в том числе с помощью усиления контроля над ними, причем ресурсами могут выступать даже средства насилия (оружие, вооруженные силы, технологии), утилитарные вещи (товары, деньги, информация) или лозунги и идеологемы.

При изучении процессов социальной и политической мобилизации в рамках предлагаемого проекта перед нами не стоит задача фиксации всех конкретных способов, мер и средств, с помощью которых люди первого постсоветского десятилетия приступили или готовы приступить к адаптационным действиям, направленным на приспособление к новым рыночным отношениям и к так называемым демократическим порядкам. Понятно, что тема предпринимательства²⁸ требует специального изучения и, как показали исследова-

ния Л. Остапенко и И. Субботиной по проекту, посвященному этническим аспектам формирования современного предпринимательства, является чрезвычайно важной и перспективной.

В данном исследовании цель иная: во-первых, выявить зависимости между формирующейся почти с нуля, новой для советских граждан экономической идентичностью «значимо быть богатым» и представлениями относительно ее достоинств и недостатков, а также о способах и путях ее обретения; во-вторых, уловить связь установок на обогащение с установками на формирование ассоциированных с экономической и других форм идентичностей.

Реформы в России идут с трудом. Значительной части населения приходится думать не о богатстве, к чему ежедневно призывают СМИ, особенно каналы Центрального телевидения, а об элементарном выживании.

Методологической опорой для изучения адаптационно-мобилизационных технологий в этом плане в известной мере помогает разработанная А. Туреном теория активизма в достижении целей²⁹, и книга Амитаи Этциони «Активное общество»³⁰.

Необходимость активизации своих усилий для крупных контингентов населения была спровоцирована не только обвалом рубля и лишением их всех советских накоплений, но и структурными противоречиями, немедленно всплывшими вслед за отменой социальных гарантий и толкнувшими массы или на пассивное обнищание, или на необычные формы выживания.

На личностном уровне российские трансформации проявляются в становлении комплекса адаптационно-мобилизационных интенций и технологий, с помощью которых бывшие советские граждане, а также те, кто сознательную трудовую жизнь начинает в постсоветских условиях, кто пассивно или активно, стихийно или осознанно, находит себе место в жизни, отвечая на жесткие вызовы времени, модернизации, глобализации. В итоге этот комплекс срабатывает у работников одних отраслей народного хозяйства, например, промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, положение которых ухудшается, но отсутствует у других, например, у работников торговли, финансово-

кредитной сферы, жизнь которых улучшается, а также у различных социально-профессиональных групп, положение которых в чем-то ухудшилось, а в чем-то улучшилось. Подобный «плюрализм» не может не служить катализатором социальных, этнических и иных противоречий.

Анализ факторов, способствующих формированию адаптационно-мобилизационного комплекса, в том числе, новой, неизвестной в советские времена экономической идентичности, по итогам четырех общереспубликанских выборок (1995 г.) позволил выявить неожиданные тенденции. Из набора 10 факторов, необходимых для успешной адаптации к экономическим реформам и для личного обогащения, первые пять мест в четырех республиках – Кабардино-Балкарии, Башкортостане, Татарстане и Дагестане заняли: 1) происхождение из обеспеченной семьи, 2) усердный труд, 3) активное участие в рыночной экономике, 4) наличие таланта и 5) высшее образование (см. табл. 1).

В Кабардино-Балкарии, в известной мере отражающей ситуацию на Северном

Кавказе, особое значение придается семье. Во всяком случае, как показал опрос, для того, чтобы «стать богатым», семья, как условие, оказалась на первом месте почти с двойным отрывом от ближайшего фактора (усердно трудиться), занявшего второе место. Пока еще не представляется возможным вынести окончательный вердикт о том, что именно кроется за фактором «семья». Не исключено, что речь идет о наличии скрытых финансовых накоплений, которые могли бы сыграть роль первоначального капитала для инвестиций в современное предпринимательство. Вторым по значимости условием (а в Башкортостане и Дагестане – первым) был признан усердный труд, т.е. («энергия труда» – по Н.Г. Чернышевскому), непереносимое наращивание усилий по сравнению с тем, как «с прохладцей» и «с перекурами» трудились в советские времена. Самым неожиданным для середины 1990-х гг., оказалась низкая оценка значимости высшего образования, занявшего в иерархии факторов во всех республиках пятое место (см. табл. 1).

Таблица 1
Как разбогатеть? (в % по итогам опроса 1995 г.)

Какое из условий является самым важным, чтобы разбогатеть	Республики			
	Сев. Кавказ		Урал	Поволжье
	Кабардино-Балкария	Дагестан	Башкирия	Татарстан
	Число опрошенных			
	2023	2647	2184	2273
Происходить из обеспеченной семьи	30.9	30.4	22.0	26.3
Усердно трудиться	17.4	31.2	32.6	24.5
Активно участвовать в рыночной экономике	17.1	11.6	9.7	14.4
Быть одаренным от природы	8.8	12.6	9.8	9.9
Иметь высшее образование	2.2	6.0	9.1	4.3
Активно участвовать в политической жизни	1.2	0.8	4.0	0.5
Знать более чем два языка	0.9	0.3	0.2	1.1
Соблюдать религиозные ритуалы	0.4	0.2	0.4	0.3
Соблюдать обычаи своей национальности	0.2	0.1	0.1	0.5
Быть законопослушным	0.1	0.2	1.5	1.4
Затруднились ответить	20.6	6.6	10.5	16.8

Такие факторы, как активное участие в политической жизни, знание более чем двух языков, соблюдение религиозных ритуалов и обычаев своей национальности, а

также законопослушание не попали в ряд условий, необходимых для того, чтобы стать богатым в ходе экономических реформ (см. табл. 1).

Не менее важной является задача выявления среди массы непосредственных участников трансформационных процессов тех социальных и этнических слоев населения, которые явно не понимают сути происходящих реформ, умышленно или бессознательно отстраняются от исторических преобразований или же чинят препятствия их реализации.

Усиление вертикали власти как стратегия Президента Путина по оптимизации управления государством вызвало немедленную реакцию и объяснительные толкования, оживив дискуссии о соотношении демократизма и авторитаризма. «Среди обстоятельств, толкающих власть на управление с помощью экстраординарных мер, – предупреждающе заметил И.Г. Яковенко, – критически высокая степень хаотизации социокультурного целого»³¹. Причину критически высокого объема хаотизации, как особенности и одновременно проблемы России, этот автор увидел в том, что «русская культура не вырабатывает устойчивых механизмов упорядочивания социокультурного пространства», что, дескать, и толкает общество, точнее, конечно, не общество, а государство, т.е. власть, к экстраординарным мерам, в том числе и установлению жесткого политического режима. Сваливать вину за нынешнюю трагедию России на русскую культуру, может быть, в широком смысле и справедливо. Однако искать корни нынешней хаотизации в «варварском компоненте русской культуры», в «ордынском» или в «византийском» наследии и, как следствие, в низкой приспособляемости граждан России к демократическим институтам и процедурам, вряд ли методологически оправдано.

Наряду с исторической моделью интерпретации нынешнего хаоса заслуживают внимания и другие подходы, например, этнологическая и социально-психологическая. Говоря кратко, смысл этнологической модели состоит в том, что Российское Государство в переходном периоде из одного состояния в другое не сумело найти эффективные механизмы взаимоотношений между властью и народами. Органы власти и чиновничество, в узком смысле, не осознают или же не желают «взять в голову» известную самодостаточность народов России и вытекающую отсюда ее маргинальность, в широком смысле, вызванную ее географическим по-ложением одновременно и в Европе, и

в Азии, и цивилизационным – между Западом и Востоком.

Неудачные социальные трансформации, проводившиеся в России под лозунгами и идеологемами демократизации, диктатуры прав человека в ущерб правам народов, подорвали доверие народов и к демократии, и к тем, кто ее внедрял в российскую реальность. Потери порождают ожидание «твердой руки», способной «навести порядок».

Социально-психологические факторы нынешней хаотизации также обусловлены переходным состоянием, и, в частности, тем, что одни идентичности, как, например, этническая и конфессиональная гиперактуализированы, в то время как другие, например, гражданская, политическая, а в отдельных случаях региональная, – приглушены и угнетены.

Дисбаланс идентичностей порождает, во-первых, «душевный» хаос и соответственно сокращает адаптивные возможности людей к переменам, обусловленным к тому же вызовами уродливой модернизации, а, во-вторых, смешивает «свалившуюся» на них свободу с распушенностью и вседозволенностью.

В зависимости от ситуации и времени баланс между парой идентичностей может варьировать от состояния конкуренции до кооперации, от интолерантности до солидарности. Не случайно Л.М. Дробижина недавно напомнила о фразе Р. Хакимова, «вброшенной» им в полемическом задоре в споры об отношениях между государством и народами в пору наивысшего накала этнической мобилизации. «Мировое сообщество, – писал в 1993 г. Р. Хакимов, бывший тогда государственным советником по политическим вопросам при президенте Татарстана, – пребывает в иллюзии, что мир состоит из государств, в то время как он состоит из народов»³².

Неспособность государства, ввергнутого в состояние хаоса, защищать своих граждан, ослабляет гражданскую идентичность и толкает людей к самозащите. Происходит смещение ориентаций от государства и государственности к другим институтам – этничности, конфессиональности, семейственности, клановости, региональности. Человек ищет удобную, тихую гавань, защиту от внешних угроз.

Разумеется, обе гипотезы – и этнополитическая, и социально-психологическая нуждаются в корректной проверке на обширном эмпирическом материале, и стоят

в ряду важнейших задач предлагаемого проекта.

Систематическому наблюдению и хорошо налаженной фиксации подлежат и противоречивые представления граждан о взаимоотношениях между государством, его народами и гражданским обществом. По мнению одной группы граждан, «государство и его институты не должны доминировать над гражданским обществом», по мнению другой, – необходимо «усиление роли государства в экономике, жесткая регламентация рынка, ограничение демократических прав и свобод»³³.

Два автора – известный общественный деятель, ученый и политик Р.Г. Абдулатипов, убежденный, что гражданское общество в России существует еще со времен Чаадаева, и крупный ученый, внесший значительный вклад в развитие отечественной социологии, В.А. Ядов, похоже, независимо друг от друга высказали сходные мысли о характере взаимоотношений между государством (властью) и гражданским обществом.

«Не власть должна, – по мысли первого, – формировать гражданское общество, как у нас всегда пытались делать, а гражданское общество обязано формировать власть»³⁴. По убеждению второго, «российское общество принадлежит иной цивилизации, отличной от западноевропейской», т.к. «в России, в отличие от Европы и североамериканского континента (США, Канада), не сформировалось гражданское общество и роль государства остается решающей во всех социальных и экономических преобразованиях». И далее... «Русские модернизации, начиная с Петра I и кончая перестройкой, были мобилизационными, тогда как западноевропейские стимулировались "из недр" самого общества»³⁵.

Оба положения, схожие как близнецы-братья, имеют глубокие исторические корни и восходят к мыслям, высказанным еще в середине XIX в. тонкими аналитиками и одаренными учеными. Одним из них был Ж.А. Гобино, задолго предсказавший падение Британской³⁶ и других империй. «Поэтому нельзя считать, – настаивал автор "Опыта о неравенстве человеческих рас", – что институты формируют народ, – очевидно, что все обстоит как раз наоборот»³⁷. Другим был выдающийся русский мыслитель К.Д. Кавелин, уверенный в том, что государственная власть в России всегда была «деятельным органом

развития и прогресса в европейском смысле»³⁸, т.е. инициатором трансформационных процессов.

Многие позитивные реформы, привносящие в Россию элементы гражданского общества, по мысли К.Д. Кавелина, начались по инициативе верхов. Так было со времен крещения Руси. «Это великое событие, – по словам прекрасного знатока русской истории, – было делом князя и меньшинства народа и шло, как и все великие реформы у славян, сверху вниз»³⁹.

Однако обе метафоры, в строгом смысле слова, напоминают уравнение с тремя неизвестными: что такое власть, что понимается под гражданским обществом и как каждое из них отражается в представлениях граждан, в их поведении и, наконец, в их отношениях.

По итогам некоторых социологических исследований, более половины российских граждан (55%) вообще ничего не слышали про гражданское общество, 22% не берутся объяснить, что это такое, и лишь 12% связывают это понятие со словами «права», «свободы», «интересы граждан», «инициативы граждан»⁴⁰.

Едва ли не аналогичные слепота и глухота имеют место в представлениях постсоветских граждан о власти, особенно если иметь в виду ее количественные и качественные измерения. Трансформационные процессы были инициированы не снизу, из гущи народных масс, а сверху, со стороны политической элиты. Это означает, что, коль взялся за дело, действуй смело, умело используя все три рычага осуществления власти: силу, деньги и разум. По классификации Эрвина Тоффлера, угроза официального насилия в обществе помогает поддерживать систему в норме или же привести ее в некое новое состояние. Однако незавуалированное, неприкрытое насилие опасно тем, что порождает сопротивление, не исключая гражданской войны. Главная слабость насилия в его абсолютной негибкости.

Более удобным инструментом в технологиях власти является богатство, которое может использоваться как в позитивном, так и в негативном направлении.

В отличие от насилия, названного Элвином Тоффлером «низкокачественной властью», и богатства – «среднекачественной властью», самой «высококачественной властью» является знание⁴¹. Именно знание позволяет двигаться к цели с наименьшими затратами сил, средств и жертв.

Захватив власть, подчинив себе милицию, армию, а также средства массовой информации, команда реформаторов в начале трансформаций оказалась без высококачественной власти. Она сама не знала, когда, как, куда и зачем идти, и соответственно не смогла объяснить это народу. Следовательно, именно отсутствие четкой программы целей, задач и действий стало ее «ахиллесовой пятой».

Новой стратегии, направленной на усиление вертикали власти России, по-прежнему не хватает знания, как самого многостороннего и эффективного механизма для продолжения реформ: ни знаний власти о самой себе и своих интенциях, ни представлений широких масс о роли власти и о своем участии в трансформационных процессах. Между тем, без разумного баланса различных технологий, когда сочетаются все три инструмента: угроза наказания, обещание награды и способность убеждать, т.е. вразумительно объяснять смысл, содержание и стратегию, а также финальный продукт реформационных процессов, власть сама себя может загнать в тупик.

**ИНФОРМАЦИОННО-
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
ОГРАНИЧЕНИЯ ПРОЕКТА**

Успешное продолжение реформ в отдельных регионах, республиках и среди отдельных народов во многом зависит от наличия обоснованных научных данных как о достижениях и потерях, так и о перспективах желательных и возможных преобразований.

Проведение этносоциологического опроса, представительного для взрослого населения целой республики, требует значительных материальных затрат. В отличие от советских времен сегодня таких возможностей у гуманитарных наук не существует, за исключением случаев, когда удается привлечь иностранные инвестиции. Выбор объектов исследования в данном проекте с учетом возможности диахронных сравнений облегчался тем, что, по крайней мере, дважды, в 1993 и 1995 гг. репрезентативным этносоциологическим опросом были охвачены многие республики РФ.

Что же касается отбора четырех республик для синхронных сравнений, то здесь ситуация оказалась более трудной по ряду объективных и субъективных факторов и, прежде всего, из-за неравномерных темпов вхождения каждой из них в рыночные отношения и развития демократии в сфере политики.

По итогам предыдущих исследований и в соответствии с имеющимся у нас материалом, было выделено четыре типа республик по доле титульной национальности в составе их населения и в государственных органах власти⁴².

В Удмуртии и Марий-Эл представители титульной национальности составляли меньшинство, как в общей численности населения, так и в еще большей степени – в государственных, законодательных (представительных) и исполнительных структурах.

В Башкортостане, как и в ряде других республик, взявших по призыву Б.Н. Ельцина суверенитета, сколько смогли, представители титульной национальности в составе населения были в численном меньшинстве, но зато в абсолютном и относительном большинстве – в сфере государственного управления.

Третий тип был представлен Татарстаном, где пропорции титульного и русского населения были примерно одинаковыми, но в высших эшелонах управления численно преобладали представители титульной национальности.

Таким образом, критерием принципиального ограничения при выборе объекта исследования явилось адекватно-пропорциональное представительство титульной национальности в составе населения и в сфере управления, как, например, в республике Северная Осетия – Алания.

Отклонения от теоретической нормы при формировании этнического состава в сфере управления постсоветского периода нам представлялись заслуживающими большего внимания, чем сама норма, и чем то внимание, которое уделено этому вопросу в литературе по этнополитологии.

Целесообразность сделанного таким образом выбора подтверждается, в частности, еще и тем, что две республики – Удмуртия и Марий Эл отражают ситуацию в пяти республиках с титульным населением, относящимся к финно-угорской языковой семье. В свою очередь две другие республики – Башкортостан и Татарстан представляют девять республик, в том чис-

Таблица 2

Некоторые показатели демографического, экономического, культурного и политического развития республик⁴³

Республика	Демография				Экономика			
	% населения титульной нац.-сти	% горожан титульной нац.-сти	Естественный прирост на 1000 чел.	% национально-смешанных браков	% населения, занятого в гос. секторе	% населения, занятого в частном секторе	% безработных	% с денежными доходами ниже прожиточного минимума
	1989 г.	1989 г.	1998 г.	1989 г.	1998 г.	1998 г.	1998 г.	1988 г.
Адыгея			- 4.3	15.2	45.3	46.7	16.0	44.1
Алтай			+ 2.8	14.8	55.7	37.0	18.5	46.5
Башкирия	21.9	14.5	- 1.0	25.0	44.3	27.3	13.4	28.4
Бурятия	24.0	17.3	+ 0.3	11.7	44.6	37.3	22.1	46.4
Дагестан	80.2	67.2	+ 12.0	12.2	45.1	47.9	30.0	58.1
Ингушетия	70.7	46.0	+ 12.3	9.0	57.6	35.5	51.5	75.7
Кабардино-Балкария	57.6	43.0	+ 2.2	15.8	46.2	34.2	22.4	41.9
Калмыкия	45.4	49.4	+ 1.8	13.5	56.1	33.5	30.8	60.1
Карачаево-Черкесия			+ 1.0	15.7	40.6	50.3	25.5	53.2
Карелия	10.0	7.6	- 5.1	36.3	49.1	26.4	16.6	23.5
Коми	23.3	14.4	- 0.7	37.7	46.9	25.1	17.8	20.6
Мари-Эл	43.3	26.1	- 3.9	14.9	45.6	36.1	13.1	61.0
Мордовия	32.5	22.1	- 6.0	19.7	45.4	30.6	14.5	46.9
Сев. Осетия	53.0	49.3	- 0.6	17.6	56.1	30.9	26.6	35.3
Татарстан	48.5	42.1	- 2.2	14.9	43.1	27.8	10.9	19.9
Тува	64.3	41.2	+ 5.3	8.6	58.7	36.2	20.9	74.9
Удмуртия	30.9	19.8	- 1.8	22.5	42.2	31.3	13.1	32.4
Хакасия			- 3.8	19.2	38.1	45.6	9.6	43.9
Чечня	70.7	46.0		9.0				
Чувашия	70.2	54.7	- 1.9	15.6	38.4	43.5	13.9	48.0
Якутия	46.4	12.8	+ 4.8	23.1	51.5	29.8	13.6	32.0
Россия			- 4.8	14.7	38.1	43.2	13.3	23.8

Продолжение Таблицы 2

Республика	Культура				Политика
	Посещаемость театров	Численность студентов ср. спец. учебн. заведений на 1000 чел.	Численность студентов высш. учебн. заведений на 1000 чел.	Высш. и н/высш. образование на 1000 чел.	Электоральная активность за 10 кампаний
	1998 г.	1998-1999 гг.	1998-1999 гг.	1994 г.	1989-1996 гг.
Адыгея	113	135	321	157	14
Алтай	5	165	236		1
Башкирия	168	175	161	91	4
Бурятия	132	137	200	239	13
Дагестан	144	90	228	95**	6
Ингушетия*	105	51	119	83	19
Кабардино-Балкария	106	109	200	122***	10
Калмыкия	142	171	209	167	5
Карачаево-Черкесия	122	119	205	172***	2
Карелия	205	146	158	84	17
Коми	112	125	123	103	21
Мари-Эл	394	130	216	75	11
Мордовия	224	145	287	62	3
Сев. Осетия	184	146	321	212	9
Татарстан	199	137	217	109	16
Тува	177	120	118	109	12
Удмуртия	262	156	228	69	18
Хакасия	108	131	154	144	20
Чечня				106	15
Чувашия	234	156	226	88	7
Якутия	95	107	141	151	8
Россия	189	141	229	151	

* - суммарно по Чечне и Ингушетии

** - Аварцы

*** - Кабардинцы, карачаевцы

ле семь – с титульным населением тюркской языковой семьи и еще две республики, в которых одна из двух национальностей – балкарцы и карачаевцы также тюркоязычны. Таким образом, четыре выбранные республики как бы дают представление о 14 республиках, т.е. о 2/3 всех республик России⁴⁴. Анализ базовых данных об экономическом, демографическом и политическом развитии показывает, что избранные для исследования республики в основном представляют большинство республик, расположенных в европейской части России (см. табл. 2).

Любые преобразования имеют не только содержательный и пространственный, но и временной аспект. Время является важной точкой отсчета для фиксации темпа и глубины преобразований⁴⁵. Для сопоставительного анализа начала и хода реформ, понятно, нужны исходные данные о состоянии обществ и явлений в начальной точке реформ.

Наличие информационных баз по итогам этносоциологических исследований, проведенных ЦИМО в 1990-е гг., позволяет продолжить изучение этнополитических ситуаций и процессов в 2010-е гг., т.е. во втором постсоветском десятилетии на основе сравнения стартовых и продвинутых точек реформирования. Иными словами, мы имеем прекрасную возможность дополнить синхронный аспект анализа диахронным сравнением.

Вместе с тем, имеется профессионально сформулированный социальный заказ на изучение трансформаций в России с точки зрения задач, стоящих перед этнологической наукой. Отдельные аспекты этого заказа, разработанные в посланиях первого и второго президентов Российской Федерации, в концепции Государственной национальной политики, утвержденной в 1996 г., обсуждались на каждом из четырех конгрессов этнографов и антропологов России⁴⁶, нашли отражение в ряде публикаций и выступлений⁴⁷.

Люди, как биосоциальные существа, отмечал В.А. Тишков, стремятся «обеспечить благоприобретенные условия собственного существования: дольше и комфортно прожить, произвести и вырастить потомство, обеспечить свой статус и безо-

пасность, удовлетворить культурные запросы»⁴⁸.

При этом основа человеческого существования складывается из четырех компонентов: культуры первичного производства, культуры жизнеобеспечения, соционормативной культуры и познавательной (иногда именуемой гуманитарной) культуры⁴⁹.

При анализе тенденций и итогов российских реформ исследовательский фокус и внимание чаще всего направлены на институциональные преобразования, имеющие место на макроуровне в сфере государства и права, экономики и социальной инфраструктуры⁵⁰. При этом в тени остается сам человек, его личные стратегии и технологии, т.е. комплекс адаптационно-мобилизационных намерений (КАМН), возможности, реальные поступки, осмысление пройденного пути, представления о прошлом, настоящем и вероятном будущем.

Для того, чтобы двигать реформы дальше, гуманитарные науки, и этнология в том числе, должны вырабатывать адекватное понимание этнодемографических процессов, в которых, безусловно, отражаются не только факторы и итоговые показатели рождаемости и смертности, но и более «социализированные» связи развития населения с макроэкономическими и макросоциальными процессами. Стремление некоторых экспертов припудрить болевые точки «демографического обвала» путем устранения «жесткого и официального деления граждан на народы и национальности», а также путем секвестирования этнической статистики в материалах переписи населения, вряд ли приведет к улучшению ситуации в сфере динамики численности народов. Не менее важными аспектами в ходе процессов модернизации и перестройки жизненного уклада являются показатели количественных и качественных изменений в обеспечении населения пищей, одеждой, жилищем, в складывании их политического правового сознания, принципов взаимоотношений с государством, с представителями органов власти, изменения поведенческих норм и духовной жизни⁵¹. Одна из ключевых гипотез исследования состоит в том, что глубокая социолого-экономичес-

кая поляризация проявляется не только на личностном, но и на групповом уровне, что ведет к нарастающему неравенству народов.

СИНДРОМ АДАПТАЦИОННО-МОБИЛИЗАЦИОННЫХ ИНТЕНЦИЙ И ПОИСК НОВЫХ РЕСУРСОВ

Четыре впечатляющих события конца 2001 года – варварское разрушение башен Торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября, знаменательный Конгресс соотечественников 11 октября, Гражданский форум 21-22 ноября (оба в Москве) и, наконец, ликвидация Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политике в правительственной структуре России оказали влияние на представления о мире и о России в мире. Они стали новой точкой отсчета в сфере внешней и внутренней политики России, в том числе в сфере межэтнических отношений и во взаимодействиях между федеральным центром и субъектами Российской Федерации, между Россией и США.

Атака международного терроризма на США вызвала небывалый подъем патриотизма, солидарности и единства американских граждан. Невероятно, как быстро в стране с ее незыблемыми принципами индивидуализма, традиционного одиночества и неумной самоуверенности, символом толерантности, в одночасье переросшей в солидарность, стали двухчасовые терпеливые очереди в аэропортах и повсеместные лозунги, написанные крупными буквами – «Please, do not Joke» – перед входом пассажиров на посадку.

Ровно через месяц, 11 октября, центральным событием Конгресса соотечественников стало выступление Президента России В.В. Путина, призвавшего вернуться лицом к диаспоре, состоявшей из этнических русских и соотечественников других национальностей. Новый поворот, достойный быть названным «Новой этнической политикой» по аналогии с НЭП-ом 1920-х гг., показал, как высоко подскочили в цене и в значимости этническая и гражданская идентичность, и насколько востребованной стала проблема солидарности во многих ее проявлениях, как в

сфере международных, так и межэтнических отношений. Участники Гражданского Форума с особым энтузиазмом встретили обращение Президента В.В. Путина, в котором он призвал к всестороннему расширению диалога между государственными структурами и гражданским обществом, между государством и различными объединениями, представляющими интересы народов России.

Не случайно после этих двух выступлений Президента России, подвергнувшего острой критике неудовлетворительную работу государственных структур в деле взаимодействия с соотечественниками, последовало его постановление о ликвидации Министерства по делам федерации, миграционной и национальной политике и назначение В.Ю. Зорина министром по национальной политике.

Появление в составе правительства РФ нового министра по национальной политике вместо Министерства по федерации, национальной и миграционной политике подтвердило намерение Президента страны усилить координирующую роль в деятельности различных министерств, ведомств и общественных объединений в целях создания оптимальных условий для активного участия народов в трансформационных процессах, в демократизации, в движении по пути построения гражданского общества.

Все четыре события, а также последовавшее за ними «усмирение» талибов, объединение усилий в борьбе с международным терроризмом, создание американских баз в среднеазиатских странах, угроза расчленения Грузии связаны логикой трансформаций, изменивших ситуацию в мире, в межгосударственных и в межгрупповых отношениях, а также в переосмыслении людьми своих идентификационных критериев. Ощущение необычности ситуации и необходимости новой политики присутствует во многих проявлениях идентичности. В каждом из указанных событий, сыгравших некоторую роль в самочувствии граждан не только России и США, но и народов других стран, тесно переплетены смыслы и тексты трех компонентов, представляющих этническую и конфессиональную идентичности, а также и гражданскую лояльность граждан. Такое понимание компонентов служит не для

синонимизации их с идентичностью, и не для ответа на вопрос «из чего состоит» та или иная социальная или этническая группа, а для выяснения того, в чем состоит ее качественная определенность⁵².

Сегодня политики и аналитики озабочены поисками новых ресурсов для совмещения двух противоречивых векторов в развитии постсоветской России: укрепления государственной власти и формирования гражданского общества. Однако эти поиски, как показал представительный Гражданский Форум, имеют поверхностный характер, так как отражают в основном клановые и групповые интересы и интенции лиц, толпящихся в коридорах власти или на подступах к ним. Безусловно, усилия, предпринимаемые бюрократией, нужны, порой и полезны. Но они, как правило, малоэффективны, т.к. не лишены личной корысти.

Сегодня у власти есть аппарат насилия и деньги для подкупа избирателей, но нет надежной информации, а, следовательно, и понимания того, что за истекшее десятилетие реформ народ России, с одной стороны, стал более мудрым, инициативным, предприимчивым, с другой – духовно истощенным и материально обездоленным, с третьей – терпеливым, но политически отчужденным. Общество подверглось не только сильной политической и социальной поляризации, но стало носителем гораздо более широкого спектра интересов. Следовательно, нужны систематические референдумы (совещание с широкими народными массами) по ряду возникающих вопросов, решать которые государственные органы без доверительного диалога с народом оказались не в состоянии.

Неутешительные итоги реализации национальной, (которую правильнее было бы именовать этнической), политики требуют систематического анализа не только на уровне скороспелых экспертиз, выполненных за «круглым столом», за чашкой чая в ходе фокус-групп, склеенных газетных вырезок, а на основе фундаментальных исследований, выполненных на материалах основательного изучения реальных процессов во всей их сложности и многообразии с охватом представлений и стратегий широких масс населения.

Сегодня нужны адекватные знания о том, что происходит за окнами кабинетов чиновников. Неоднократное перенесение сроков проведения переписи населения России оказалось сродни информационному самоубийству. Предстоящая перепись 2002 г. ввиду крайней ограниченности возможностей переписного бланка, в который можно втиснуть не более двух десятков вопросов, никоим образом не утолит хронический информационный голод о многообразной жизни населения России. Несмотря на провалы и недостатки трансформационных преобразований, в России за истекшее десятилетие происходили серьезные количественные изменения и качественные сдвиги, в том числе, в ментальности и в поведении граждан.

Распознаванию этих изменений, извлечению полезных уроков и определению дальнейших перспектив препятствуют концептуальная бедность, гипноз обветшалых понятий, агрессивная некомпетентность руководства бывшего Миннаца, отсутствие надежных по качеству и достаточных по количеству данных этносоциологических исследований.

ПОИСК НОВЫХ СМЫСЛОВЫХ ПОНЯТИЙ

Займствуя тот или иной термин из иностранных языков, специалисты порой не задумываются о том, насколько то или иное заимствование соответствует российской реальности.

Без понимания взаимосвязи становления новой постсоветской личности и трансформационных процессов трудно докопаться до смысла того, в каком направлении идут дела в России. Осенью 1993 г., пребывая в шоке от расстрела Парламента России, две трети взрослого населения страны, преодолев неискоренный до конца страх советского времени, указали в ходе опроса, что дела в России в целом идут в неправильном направлении. В этой убийственной оценке коренилась, с одной стороны, одна из разгадок полевения умов, обусловленного развалом великой державы, мгновенным обнищанием значительной части населения, высокой ценой, кото-

рую приходится платить за обретенную свободу, а с другой – понимание неизбежности процессов переидентификации.

Всего лишь через два года после отмены крепостного права, накануне глубоких трансформационных процессов в императорской России во второй половине XIX в. проницательный русский историк, этнограф и философ Н.Д. Кавелин в лекциях, прочитанных в Бонне, предложил чеканную парадигму, смысл которой не утратил своей значимости и в наши дни. «Если мы – европейский народ и способны к развитию, – утверждал в русле чаадаевского хода мыслей автор "Краткого взгляда на русскую историю", – то и у нас должно было обнаружиться стремление индивидуальности высвободиться из-под давящего ее гнета. Индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития, без нее немыслим человеческий быт»⁵³. Синхронное протекание трансформационных процессов на институциональном и личностном уровне – вот основа дальнейшего развития страны, и не только страны, но и каждого народа.

«Личность, – сошлемся еще раз на К.Д. Кавелина, – сознающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство, – есть необходимое условие всякого духовного развития народа»⁵⁴. Если согласиться с тезисом об адекватной личности, как условии успешного хода трансформационных процессов, то необходимо признать актуальным поиск новых понятий для раскрытия указанной взаимосвязи. Именно с этой целью в предлагаемом проекте, как в ряде предшествующих работ, предлагается еще раз проверить гипотезу о противоречивых соотношениях между этнической, конфессиональной и гражданской идентичностями, с одной стороны, и такими свойствами личности, как толерантность, доверительность и солидарность – с другой.

На основе анализа хода трансформационных процессов и состояния современной этнополитической и конфессионально-политической ситуации делается попытка «развести» дефиниции «толерантность», «доверительность», «солидарность». С этой целью вводится предварительное понимание каждой из них.

Толерантность

Изучение толерантности имеет краткую, но поучительную историю. В связи с тем, что 1995 г. был объявлен Годом ООН за толерантность, в дискурс межэтнических отношений был буквально вброшен этот термин и аналитически очерчены его смысловые рамки. Работа международной конференции «Толерантность, взаимопонимание и согласие», состоявшейся в июне 1995 г. в Якутске⁵⁵, лишь позволила наполнить его разнообразным содержанием. После чего реальность без фиксации реальной ситуации стала, как бы, подгоняться под готовые теоретические выкладки.

Хотя, казалось бы, что понятие толерантности должно было появиться не перед началом, а в результате эмпирического изучения. Редким исключением явились, пожалуй, этносоциологические исследования, проведенные еще во времена Советского Союза Институтом этнографии АН СССР, о чем неоднократно напоминала Л.М. Дробижева, в том числе и в докладе на упоминавшейся выше конференции в г. Якутске⁵⁶.

Не случайно, поддавшись магии иностранной терминологии, на исполнение Федеральной программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе (2001-2005гг.)» Министерству образования было выделено из федерального бюджета 25 млн. руб., в то время как для реализации программы «Русский язык», способствующей расширению деловой активности россиян, было выделено вдвое меньше (12 290 руб.). Отсутствующее в тезаурусе и в словарях русского языка слово «толерантность» означает кальку с английского – *tolerance, toleration*, производное от глагола *tolerate* (терпеть).

Терпение является производным от угнетения, зеркалом трусливости и слабости тех, кто обречен терпеть. Если кто-то, кого-то, в чем-то не дискриминирует, не угнетает, не создает дискомфортного состояния, то соответственно не возникает потребности терпеть. Согласно «Словарю русского языка» слово терпеть имеет двоякое значение. В одном случае оно означает: «стойко и безропотно переносить, сносить что-либо», например, боль, страдания, лишения, неприятности и т.п., в

другом – «мириться с наличием, существованием кого-, чего-либо». Аналогичным двойным смыслом обладает еще одно слово «терпимый». Таким образом, слово «терпимость» является синонимом второго значения каждого из них, и при его употреблении неизбежно возникает сложная смысловая коллизия. Поэтому и необходимы специальные оговорки, когда речь идет о «толерантности» в смысле «терпимости».

Религиозная проповедь или гражданское воспитание терпения означает ничто иное, как согласие с толстовской теорией «непротивления злу насилием» и воспитание умения терпеть. Но если зуб болит, его надо лечить, а не учить терпеливо переносить причиняемую боль.

В основе подобного терпения в сфере общественных отношений нет ни пассивной адаптации, ни активной мобилизации к трансформационным процессам. Есть лишь неспособность или нежелание видеть позитивные черты обновляющегося образа жизни и нежелание иметь общую цель и солидаризироваться с теми силами, которые способны взять на себя ответственность за осуществление радикальных изменений, неизбежных для эпохи «ломки старого».

Если бы философия программы по формированию толерантности, возведенная в ранг «одной из главных задач государства» сводилась, говоря по-русски, к воспитанию терпения, тем самым в стране программировались бы дальнейшие неудачи, провалы в политике, в модернизации, в трансформации и народу следовало бы быть хорошо подготовленным к бесконечному терпению.

Между тем одним из главных итогов первого постсоветского десятилетия стали, как показано в ряде социологических исследований, в том числе проведенных ЦИМО ИЭА АН, сопротивляемость населения попыткам форсировать едва ли не насильственными методами революционные преобразования и в такой же степени выраженное освобождение от идеологической диктатуры неограниченной власти партийной номенклатуры.

Надо ли внедрять какими-то искусственными мерами умение терпеть, если народ вытерпел развал Союза в 1991 г., шоковую терапию Е.Т. Гайдара в январе 1992 г.,

расстрел парламента России в октябре 1993 г., и, наконец, дефолт в августе 1998 г. Чтобы деньги не выбрасывать впустую на ветер, надо не приучать к толерантности (в смысле терпеливости), а скорее отучать от нее. Сэкономленные средства более целесообразно инвестировать в воспитание солидарности, в воспитание у представителей всех народов чувства согражданства и единства целей в самом широком смысле. Сегодня сотни и тысячи общественных объединений разного уровня и калибра, появившиеся в качестве представителей гражданского общества, являются собой пример масштабной социальной и национальной мобилизации. Она свидетельствует о способности граждан автономно от государства, в порядке самоопределения и гражданского обустройства, реагировать на противоречивые вызовы внутренних и внешних тенденций, и тем самым без суеты и шумных презентаций, без крикливых манифестаций реализовывать пресловутую «национальную идею», которую так и не сумели изобрести по просьбе Б.Н. Ельцина авторы его президентских посланий. Она, как видно, не произрастает сама по себе. В ЦИМО ИЭА РАН накоплены десятки тысяч документов (программ, уставов, решений, резолюций, докладов, материалов круглых столов и т.д.), отражающих идеологию, цели и задачи этнических, конфессиональных, гражданских движений, формирующих своего рода каркас гражданского общества. Однако за неимением средств и кадров, за редким исключением, мало сделано «полевой работы» по части выявления и анализа факторов, генерирующих одни и/или блокирующие другие тенденции в деятельности этих движений, их роль в экономических, этнополитических, конфессиональных, языковых процессах, в том числе – в предотвращении или преодолении негативных и поддержке позитивных явлений.

Еще в начале 1990-х гг., названных В.А. Тишковым «периодом расцвета этнонационализма в стране»⁵⁷ в ходе репрезентативных этносоциологических опросов было обнаружено, например, что в Башкортостане половина татарского и более трети русского населения выразили «безусловное согласие» с тем, что президент Башкортостана «должен владеть

башкирским языком». Как бы в ответ на эту лояльность, около 90,0% башкир не потребовали от лиц небашкирской национальности владения башкирским языком, чтобы иметь гражданство Республики Башкортостан. Выявленный феномен позволил предложить понимание толерантности как системы взаимных уступок в тех сферах жизни, где сталкиваются интересы различных сторон, а соответствующий раздел в книге назвать: «Языковая лояльность и межнациональная толерантность»⁵⁸.

Понятие толерантности, внезапно вошедшее в дискурс межличностных и межгрупповых отношений, в одночасье приобрело популярность. Однако, будучи многозначным и поэтому малопонятным, оно сыграло злую шутку с теми, кто им увлекся.

Без предварительного этимологического экскурса или контент-анализа смысловых нагрузок малоизвестных дефиниций аналитики могут, сами того не желая, совершать разрушительную интервенцию в ту сферу жизни, которая представляет для них исследовательский интерес.

Чем больше московские теоретики стали говорить и писать о толерантности, понимая ее как терпимость периферии к деяниям Центра, тем сильнее становились подозрения лидеров этнической мобилизации к национальной политике центра. В этой ситуации индикатором падающего напряжения этнической мобилизации выступали призывы московских политиков к толерантности.

Не случайно авторитетные социологи иногда упоминают «терпеливость» вместе с «добротой», «простотой», «отзывчивостью», «готовностью прийти на помощь», как выражение таких «повседневных характеристик частного существования», как бедность, социальная пассивность, зависимость от властей, бытовая агрессивность, неуверенность в завтрашнем дне и т.п. Разрыв между перечисленными «типичными чертами» русского национального характера, проявляемыми на индивидуальном уровне, и такими всеобщими консолидирующими свойствами, как присущий испокон века русским массовый героизм, великодержавная гордость, самопожертвование, стремление к доминированию, лежит в основе «болезненного комплекса неполноценности русских»⁵⁹.

Показательны некоторые инструментальные подходы и измерения степени толерантности и выводы, основанные по итогам социологических опросов. «Терпимость, – пишет Л. Гудков – это позитивное отношение почти ко всем... этническим группам»⁶⁰. При этом предложенные им индексы толерантности – это «отношение позитивных этнических установок к негативным»⁶¹. Изучение этого явления показало, что повышение уровня «этнической неприязни» уменьшает «потенциал этнонациональной толерантности»⁶².

Критика дефиниции «толерантность» не означает, что автор проекта против инноваций и привнесения в отечественный дискурс иностранных понятий и терминов. Без этого мы не сможем инкорпорироваться в русло развития научной мысли. Новые дефиниции нужны, если важны и полезны. Речь идет лишь о том, чтобы они адекватно отражали российскую реальность, а не были исключительно итогом кабинетного творчества.

Доверие – это не только и не столько психология

Понятие «доверительность» в период социальных трансформаций имеет не только психологическое, но и социолого-политическое значение. В современном индустриальном обществе, как подчеркивает Джерри Хафф: «Вкладчики должны уверенно себя чувствовать, вкладывая свои деньги в безличные банки; банки должны думать о том, что незнакомые им заемщики не исчезнут; компании должны быть способными выпускать ценные бумаги, а инвесторы должны верить в их порядочность; предприниматели должны доверять подрядчикам в надежно выполненной строительной работе, также они должны предполагать, что их проект и полученные впоследствии плоды не будут похищены после завершения проектных работ»⁶³.

Не может современное общество быть жизнеспособным без подразумеваемого и реального доверия. Однако доверие не может существовать абстрактно. Если люди не доверяют своему лидеру, то человек, претендующий на эту роль, не может ее исполнять. Даже в США, стране устоявшейся демократии с ее незыблемыми «правилами игры», американцы хотят иметь гарантии государства на свои сбережения

и банковские вклады. Бизнесмены и работники торгово-промышленной сферы хотят заручиться юридической поддержкой от жульничества и обмана в различных их проявлениях. В случае появления угрозы кризиса правительство вынуждено предпринимать решительные, экстраординарные меры⁶⁴. И если граждане России после шоковой терапии Гайдара и после дефолта в августе 1998 г. снова рискуют хранить свои деньги в сберегательных кассах или в других банках, это свидетельствует об иррациональном чувстве доверия к государственной финансовой структуре.

В 1997 г. в 14 столицах республик РФ немногим более половины титульной и русской молодежи не доверяли Президен-

ту России, в то время как президенту «своей» республики не доверяло 30,9% титульной и 41,4% русской молодежи. Между обеими группами молодежи не было принципиальных различий в степени недоверия к двум политическим партиям (КПРФ и ЛДПР) и генералу Лебедю. Следовательно, недоверие – избирательно и ситуативно.

В контексте каждой столицы имело место взаимно адресованное межэтническое и межконфессиональное недоверие. В то же время к далеким американцам и китайцам и русская, и титульная молодежь испытывала недоверие приблизительно в одинаковой степени (см. табл. 3).

Таблица 3

Иерархия доверия к политическим партиям, лидерам, религии, народам (в %, по итогам опроса молодежи в 1997 г. в столицах республик РФ)

	Не доверяют	
	Представители титульной молодежи	Представители русской молодежи
<i>А. Политикам</i>		
Президенту России (Б.Н.Ельцину)	52.2	53.0
Президенту своей республики	30.9	41.4
Генералу Лебедю	39.9	37.4
<i>Б. Политическим партиям</i>		
ЛДПР	54.7	53.5
КПРФ	49.7	55.2
<i>В. Религии</i>		
Исламу	36.4	46.8
Буддизму	35.4	44.3
Православию	28.5	23.2
<i>Г. Народам</i>		
Китайцам	45.0	49.8
Американцам	40.6	44.3
Русским	18.6	8.5
Титульной нации в своей республике	10.1	26.2

Волнообразное проявление лояльности граждан России к постсоветскому государству находит свое выражение в скачкообразном (по времени) и в ситуативном (по различным субъектам Федерации) участии в избирательных кампаниях, в сложной гамме позитивных и критических оценок результатов социально-экономических трансформаций. Имеет место смещение доверия населения от центральных к местным властям, от формальных к неформальным лидерам, что истощает согласие (доверительность и солидарность) между народом и государством, лишая государство социальной опоры⁶⁵.

Солидарность

Длинная история дефиниции «солидарность», ведущая начало с работ О. Конта и Э. Дюркгейма, была недавно вкратце изложена В.А. Ядовым. Очерчивая предмет изучения процессов солидаризации в пост-советской российской действительности, он предложил следующее понимание солидарности: а) феномен сознания, основанный на самоидентификации индивида с некоторой общностью, воспринимаемой им в качестве своей («мы – общность»), представители которой преследуют общие интересы, способны предпри-

нять организованные коллективные действия для их достижения, ради чего индивид делегирует «своей» общности долю ответственности за себя и готов принять определенную долю ответственности за других; б) процесс групповой динамики, который характеризуется появлением сообществ, имеющих общие интересы, осознающих собственную субъективность, принимающих на себя ответственность за членов группы или более широкого сообщества и делегирующих каждому члену долю ответственности за общее дело⁶⁶.

В популярных изданиях приводится более краткая формулировка: «солидарность – согласованность в действиях и взглядах на основе близости или общности интересов и целей»⁶⁷. В то же время в философском, юридическом и ряде других новейших словарей это понятие не отражено. В нашем представлении солидарность – ценное качество, но оно не должно достигаться ценой подавления индивидуальности лиц, участвующих в процессах солидаризации.

Развал Советского Союза вызвал истощение советскости, в чем-то имеющей сходство с чувством религиозной принадлежности. Когда современные социологи и философы на Западе пишут о «кризисе религии» и утрате веры, они, как правило, исходят из признания того, что чувство сверхъестественного, т.е. представление о небесах и преисподней, наказании и искуплении утратило свое воздействие на людей. Однако, следуя логике и концепции Эмиля Дюркгейма, эти ученые признают тот факт, что религия переживает упадок по причине сокращения земной сферы священного и расширения светского начала. Не на небе, а на земле теряют свою силу факторы, формирующие солидарность и позитивно-эмоциональное взаимодействие людей. В сфере религии солидарнообразующими факторами выступают церковь, синагога или мечеть, семья и религиозная община или религиозное объединение. В сфере советскости наиболее сильным был фактор идеологии и мощный пропагандистский аппарат по ее утверждению. Следовательно, если признать концепцию Д. Белла о том, что «Бог умер» – означает разрыв социальных связей и смерть общества, то по аналогии с ней необходимо признать, что истощение соли-

дарности в сознании и поведении советских людей произошло по причине того, что советское общество, если и не умерло окончательно, то находится в агонии⁶⁸.

Было бы опрометчиво ставить точку после вывода о том, что религиозность, вызванная развалом Союза и наступившим глубоким кризисом, призвана компенсировать утраченные радости жизни, снимать тоску, ностальгию и отчаяние. Религиозность, как заметил вскользь автор концепции «гражданской религии» американский социолог Р. Белла, может не только нейтрализовать и подавлять отрицательные ощущения, но и провоцировать их⁶⁹. Если конформизм поведения, как установил Э. Дюркгейм, лишь выражает конформизм мышления⁷⁰, то можно допустить, что плюрализм поведения выражает плюрализм менталитета.

Итак, разнообразие интерпретаций трех рассмотренных понятий уже само по себе говорит о сложности происходящих социальных явлений, чем, по всей вероятности, и спровоцирована «перегрузка смыслового содержания» каждого из них. Тем не менее одна мысль не покидает исследователей со времен Макса Вебера, полагавшего, что всякая дефиниция может быть лишь результатом эмпирического исследования и не столько выражать сущность явления, сколько очерчивать границы той области, в которую входит это явление, и подлежит исследованию⁷¹.

Успехи социальных трансформаций, переход от плановой к рыночной экономике, демократизация и движение к гражданскому обществу во многом зависят от социодинамики человеческого фактора, в том числе от того, как реформационные процессы моделируются, осмысляются, и реализуются в умах, сердцах, в индивидуальных технологиях и коллективных стереотипах граждан страны. Это находит отражение в динамическом изменении идентификационного баланса различных групп людей, от которого во многом зависит готовность к солидарной самоорганизации и коллективным действиям.

Неспособность государства, ввергнутого в состояние управленческого хаоса, защищать своих граждан, притупляет гражданскую идентичность, ослабляет чувство согражданства, межличностной и групповой доверительности и солидарности.

Возникающий идентификационный вакуум заполняется гиперболизированной и гипертрофированной этничностью или религиозностью, что ведет к поляризации и расколу российского общества.

От дисбаланса идентичностей слабеет российский социум, нарастает угроза безопасности России, не срабатывают технологии оптимального взаимодействия между государством, народами и гражданским обществом. Попытки строить гражданское общество сверху (от государства) в отличие от Запада, где оно самоорганизовывалось снизу в течение столетий, не увенчались успехом.

В начале второго постсоветского десятилетия тема распада Союза все еще остается актуальной, хотя и теряет свою политическую остроту. Сегодня возрастает интерес к вопросу, что есть Россия, из чего она состоит: из земель, регионов, народов,

Цель исследовательского проекта состоит в использовании чувствительных инструментариев для адекватного выявления с помощью массовых социологических опросов формирования, смысла и содержания этнической, конфессиональной и гражданской идентичностей, выявления факторов их функционирования (отсюда метафора электрокардиограммы – ЭКГ)⁷² и определения коэффициента позитивной деятельности (КПД), т.е. их роли в адаптационных процессах в ходе социальных трансформаций, в том числе в процессах социальной мобилизации, деинфантилизации и освобождения от государственного иждивенчества, доставшегося в наследство от советских времен.

Одна из гипотез исследования определяется тем, что важнейшим аспектом этнополитической истории постсоветского периода явилась попытка огосударствления этничности в первой и огосударствления религии – во второй половине 1990-х гг. Инициатива в одном случае шла снизу, от лидеров этнической мобилизации, выступающих от имени объединений типа Татарского общественного центра, Башкирского народного конгресса, Съезда коми народа и т.д. и т.п. Ответом государства, почувшего в очередной раз чрезмерное усиление этничности, явилось принятие в 1996 г. закона «О национально-культурной автономии», расширившего спектр самоопределения этнических обра-

зований за счет объединений на экстерриториальной основе, не угрожающих целостности государства, но ограничивающих претензии национальностей на формирование новых национально-государственных образований. В другом случае, напротив, возникла тенденция огосударствления религии, инициированная некоторыми экспертами и советниками представителей органов государственной власти.

Чрезмерное огосударствление и снизу, и сверху, и этничности, и религиозности, в конечном счете, способствует, на наш взгляд, формированию иждивенческих настроений и ослабляет адаптационно-мобилизационные интенции и технологии граждан. В итоге замедляется ход трансформационных процессов, слабеет степень позитивного влияния этничности и религиозного фактора на общественную жизнь.

Содержание второй гипотезы также требует некоторого разъяснения. Происходящая в ходе трансформационных процессов частичная утрата чувства коллективизма, культивируемая и позитивно оцениваемая сторонниками индивидуализма, провоцируемая вызовами рыночной экономики, где «человек человеку – волк», вопреки ожиданию радикалов, не повышает уровень адаптационно-мобилизационных достижений, а скорее понижает его. Об этом косвенно говорят данные о неспособности многих граждан России к продуктивной самоорганизации или об отсутствии симпатий к тем, кто сумел организовать коллективную защиту своих прав и интересов. Суть гипотезы в том, что одна из причин состоит в незрелости идентичностей, в том числе экономической (значимость быть богатым).

Сходные данные были получены в исследовании динамики страхов, проведенном под руководством В.Н. Шубкина⁷³.

Изучение идентичности не просто затрагивает вопросы экономики и культуры, политики и власти, оно напрямую преследует цель выяснить то соотношение, в котором находятся между собой индивид и сообщество, гражданин и государство, личность и общество, если у последнего имеются в наличии намерения стать гражданским. Несмотря на то, что отдельные аспекты этой темы широко обсуждаются в литературе последнего времени и даже успели в чем-то набить оскомину, соот-

ношение между идентичностью с одной стороны и государством, народом и обществом с другой, – остается одним из наиболее малоизученных вопросов, особенно при анализе трансформационных процессов.

Для того чтобы у России и россиян дела пошли в гору, сегодня необходимо очень сильно прибавить и в социальной мобилизации и в мобилизаторах. Однако для этого нужна высокая культура активности, о которой не раз говорил один из крупнейших знатоков отечественной истории К.Д. Кавелин. Многие из его наблюдений, относящихся к пореформенной России, сегодня вполне можно было бы взять в качестве эпиграфа для характеристики советских граждан в период застоя и в состоянии шока, в который они были ввергнуты неожиданным развалом Советского Союза.

«Прислушайтесь к толкам мыслящих и просвещенных людей всевозможных направлений и оттенков, – писал он в знаменитой статье "Наш умственный строй" – и везде услышите одну и ту же жалобу: мало у нас производительности, слишком мало труда, энергии, выдержки... куда ни обратиться, во всем чувствуется недостаток осмысленного и капитализированного труда. От того малейшее, ничтожнейшее дело тормозится у нас громадными препятствиями, превышающими силы одного человека. Наталкиваясь на них на каждом шагу, всякий побьется, побьется, да и сложит руки и ничего не делает»⁷⁴.

Для выхода из состояния шока, как показал опыт 1990-х гг., необходимо преодоление инфантильности, унаследованной от советского строя. Нужен массовый активизм, но не тот энтузиазм по воздвижению финансовых пирамид путем обмана доверчивых граждан или ГКО по обману значительной части населения, а расширение предпринимательства по производству необходимой обществу продукции. Снова обратимся к классикам. «Энергия труда, – писал Н.Г. Чернышевский, – подавлена в нас вместе со всякою другою энергиею»⁷⁵. И далее, как бы полемизируя с авторами расплывчатых дефиниций программы по внедрению толерантности, он продолжал: «Исторические обстоятельства развили в нас добродетели чисто пассивные, как, например, долготерпение, переносимость к лишениям,

обидам и всяким невзгодам. ("ничто не ново под луной" – реплика моя – М.Г.) В сентиментальном (психологическом – М.Г.) отношении эти качества могут быть очень хороши, и нет сомнения, что они очень удобны для людей, пользующихся ими к своей выгоде; но для развития экономической деятельности (формирования адаптационно-мобилизационного комплекса – М.Г.) пассивные добродетели никуда не годятся. Как вы хотите, – восклицал Н.Г. Чернышевский, – чтобы оказывал энергию в производстве человек, который приучен не оказывать энергию в защите своей личности от притеснений? Привычка не может быть ограничиваема какими-нибудь частными сферами: она охватывает все стороны жизни. Нельзя выдрессировать человека так, чтобы он умел, например, быть энергичным на ниве и безответным в приказной избе тем, чтобы почесывать себе затылок и переминаться с ноги на ногу. Он будет таким же вахлаком и за сохою»⁷⁶.

Недостаток социально-экономического и политического активизма, как свойство инфантильного синдрома части постсоветских граждан, уходит корнями в так называемый застойный период. Это едва ли не самый комфортный в истории страны период, когда Советский Союз напоминал сплошную Обломовку, а необходимые средства к жизни вместо ренты крепостного труда обеспечивали нефтедоллары, вместо эксплуатации живого товара эксплуатировались природные ресурсы.

В этой связи возникает необходимость наряду с показаниями электрокардиограммы выявить «Коэффициент позитивной деятельности» (КПД) адаптационно-мобилизационного комплекса в трансформационных процессах. Этот коэффициент можно получить по итогам опросов с помощью несложной формулы в виде дроби, в числителе которой – численность мобильных людей типа Андрея Штольца и Ольги Ильинской, а в знаменателе – пассивные, как Илья Обломов и Агафья Матвеевна. Куда устремится значение этой дроби – к бесконечности модернизации или к нулю – застою, вот в чем вопрос и смысл предлагаемого проекта.

Для реализации замысла проекта целесообразно решение ряда теоретических и прикладных задач:

– использование измерительной способности электрокардиограммы в виде матрицы из трех вертикальных осей, на каждой из которых будет отражена информация о состоянии этнической, конфессиональной, гражданской идентичностей, пересекающихся с тремя горизонтальными линиями, несущими информацию о состоянии дел в экономической, культурной и государственной сферах (еще одна ЭКГ);

– в дополнение к матричному подходу в изучении идентификационного потенциала личности в связи с трансформационными процессами в обществе имеет смысл использовать традиционную методику выявления каждой отдельно взятой идентичности в трех измерениях: когнитивном (компетентность), конативном (поведенческий аспект) и атитюдном (отношение и оценка себя и окружающей среды);

– с помощью матричного подхода представляется возможным выявить болевые точки трансформационных процессов в каждой из трех сфер: экономике, культуре и государстве;

– зафиксировать, классифицировать сложившиеся после десятилетия реформ представления этнических и социальных групп людей в городах и селах о том, в каком направлении в целом идут дела в России;

– выявить связи между характером идентичностей и оценкой гражданами уроков, итогов и перспектив изменений в сфере экономики (переход от плановой к рыночной, приватизация, и деприватизация неэффективных предприятий, синдром колхозно-совхозного фундаментализма, социальная и имущественная поляризация на личностном и групповом уровнях, безработица, терроризм и криминалитет, очаги конфликтности);

– выявить и проанализировать динамику представлений разных этнических групп о развале СССР, о Родине, о степени доверительности к законодательным и исполнительным органам власти, федеральным и местным государственным деятелям, лидерам гражданских, религиозных и национальных движений;

– сопоставить исходные и последующие представления о внутренней и внешней политике России, в том числе мнения о внешних угрозах России, о декларируемых и истинных целях Запада, толкающих

Россию на путь демократических преобразований, о расширении НАТО, о расходах России на оборону, об инвестиционной политике Запада и России, об экспорте сырья;

– опираясь на результаты опросов по общероссийской выборке и на дискурсе и результаты изучений того, «как возможна Россия» и «как она устроена» (электрокардиограмма России) разработать рекомендации о том, какая Россия и какие народы нужны гражданам России на примере ее четырех республик и какие граждане (с какой электрокардиограммой) нужны России.

– определить в какой точке между двумя системами базовых социальных систем и культурных ценностей находится Россия после первого постсоветского десятилетия: между так называемой Западной, основанной на частной собственности, рыночной экономике и политических институтах гражданского общества или Восточной, основанной на общественно-служебной собственности, нерыночной («сдаточно-раздаточной») экономике, жесткой централизованной власти, на безусловном приоритете коллективизма над индивидуализмом, государства над гражданским обществом?

Объектом исследования в ходе массового этносоциологического опроса должно быть взрослое население титульной и русской национальностей в городах и селах каждой из четырех республик Приволжского федерального округа, а также татары в Башкортостане и чуваша в Татарстане. Кроме того, имеется предварительная договоренность о том, что коллеги из г. Перми проведут опрос по нашей анкете среди взрослого населения Пермской области.

Предмет исследования состоит в изучении новых форм взаимоотношений этнической, конфессиональной и гражданской идентичностей в экономической и культурной сферах, а также в сфере этногосударственных отношений, с другими идентичностями – гендерной, семейной, имущественной, региональной. Вряд ли, например, можно ожидать наличие полноценной общероссийской гражданской идентичности, если у человека ослаблена или отсутствует региональная (чувство малой родины) идентичность.

Итоги опроса 2002 г. будут сопоставимы с опросами, проведенными среди взрослого населения ЦИМО ИЭА РАН совместно с американскими учеными по проектам: «Язык, национальность и бывший Советский Союз» (апрель 1993 г.), «Предвыборная ситуация» (1993 г.) (по 1000 человек в каждой из 16 республик, включая Башкортостан, Марий Эл, Татарстан и Удмуртию), «Межэтническая толерантность и внутриэтническая солидарность» (по 1000 чел. в 1996 г. в четырех республиках – Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Татарстан), «Молодежь России» (весна 1997 г.) – 6 в 16 столицах РФ.

Анкета для проведения массовых этносоциологических опросов включает около 150 вопросов, большинство из которых сопоставимы с вопросами анкет 1993-1997 гг. Анкета состоит из трех основных блоков (экономика, культура, государственность) и четырех дополнительных (биография респондента, семья, религия, язык), что позволит вести анализ, как в синхронном, так и диахронном аспектах.

Деинфантилизация

К сожалению, ни органы власти, ни выступающие от имени народа гражданские движения сегодня не имеют адекватного представления о том, на чьей стороне каждый человек и весь народ: на стороне власти, общества или на стороне своих собственных интересов. Призыв первого заместителя главы администрации Президента Владислава Суркова, «От великого государства – к великому обществу» останется красивым, но пустым звуком, если будут забыты «великий» человек и национальность к которой он себя относит, без которых нет ни государства, ни общества.

В пору крутых социально-политических трансформаций особую актуальность принимают такие идентификационные процессы, когда возникают проблемы этнического, конфессионального, гражданского самоопределения. Между тем именно эти идентификационными проблемами сегодня формальные «верхи» и неформальные лидеры занимаются больше, чем «низы». Поэтому трансформационные процессы носят в России поверхностный, верхушечно-элитный характер, выливаясь в тривиальную борьбу за власть, за влияние, за доступ к распределению ресурсов.

Пожалуй, лишь в ходе предвыборных кампаний происходит некая смычка, когда верхи опускаются к низам с протянутой рукой за голосами избирателей. В остальное время власть пытается монополизировать формирующие технологии и выдавать свои корыстные интересы за групповые или даже всенародные. Монополизируя право на формирование идентичностей власть загоняет сама себя в тупик, пытаясь под сильными лозунгами о правах и свободах личности сделать эту личность послушной и инфантильной. Чтобы не рубить сук, на котором власть восседает, ей нужна поддержка или хотя бы видимость широкой поддержки со стороны масс. Особенно той ее части, которая приходит с бюллетенями к избирательным урнам.

Но, поскольку трансформации в России преследуют цель разбудить массы, избавить их от государственнического иждивенчества, сделать их действующими, подлинными «актерами исторической драмы» (В.А. Ядов), постольку появляется смысл выявить и разобраться в том, что хочет народ, сильную власть или влиятельное гражданское общество, кому больше, власти или самому себе он доверяет в проведении модернизации, и, кто, по его мнению, должен инициировать и осуществлять модернизацию.

За последнее десятилетие появилось немало исследований, посвященных анализу той или иной отдельно взятой идентичности. При этом менее всего внимание обращалось на взаимосвязь между средой (органы власти и общество) и человеком (осознание своей принадлежности).

Модернизационные процессы проявляются в умах, в сердцах и поведении людей. Отсюда следует, что формирование идентичностей можно представить в виде графика работающего сердца, ритмику которого можно зафиксировать чувствительными измерительными приборами.

Выделение экономики, культуры и государства, включающего, естественно, и политику, и идеологию, как основных подсистем общества, позволяет представить идентификационную матрицу человека как единство представлений о себе и обществе. Иными словами, предлагаемая матрица позволяет анализировать тенденции интеграции и дезинтеграции, связан-

ные с переходным периодом и задачами по построению гражданского общества. При этом отчетливое видение каждой из тенденций в немалой мере зависит от четкости или размытости каждой формы идентификации: этнической, религиозной, гражданской и т.д.

Можно предположить, что идентификационная размытость, характерная для переходного периода, служит питательной средой для девиантного поведения. Там, где нет правил игры, т.е. не соблюдается оптимальный баланс идентификационных ролей, там наступает хаос, анархия и всевозможные аномии от коррупции в верхах до криминала во всех сферах жизнедеятельности.

Четкость идентификационных критериев предполагает понимание разумного

разделения труда и возникающей в связи с этим межличностной и межгрупповой солидарности. Если в обществе нет солидарности или нет понимания в ее необходимости, то нет и толерантности. Отсутствие солидарности порождает нетерпимость и ведет к конфликту.

Как уже говорилось, при таком подходе искомую электрокардиограмму можно представить в виде матрицы с 3-мя вертикальными линиями и нанизанными на каждую из них проблемами этнической, конфессиональной и гражданской идентичностей и пересекающимися с 3-мя горизонтальными, выражающими состояние экономики, культуры и государства, которые в инструментарии выделены соответственно в сферы материальной, духовной и политико-правовой жизни (см. схему 1).

Схема 1

Для интерпретации собранного материала предполагается использовать как уже существующую в этнологическом дискурсе терминологию, так и специально наработанную автором и нашедшую отражение в предыдущих его публикациях. Сама метафора исследования – электрокардиограмма России, опубликованная за два года до выхода в свет упомянутого выше фолианта сотрудников Института социологии, вполне корреспондирует от одной из новейших концепций, интерпретирующей самочувствие России как организма под углом зрения теории рисков.

В конечном счете, мы должны предвидеть, каковы будут последствия «неудачной адаптации» («модернизационной несостоятельности» – по Л. Гудкову)⁷⁷ к трансформационным процессам. Неспособность или нежелание к восприятию инноваций грозит в одном случае перерастать в социальное недовольство вплоть до

конфликта, во втором – превратиться в социальную апатию. Люди, лишённые ценностей, целей легко становятся добычей протестных группировок и объединений в период избирательных кампаний.

Инструментальное предназначение электрокардиограммы состоит в фиксации различных форм фобий и фобий в зависимости от уровня этнического, религиозного и гражданского самосознания. Сам по себе рост самосознания может, как повышать толерантность, так и понижать ее. Вероятнее всего, что детерминация интолерантности зависит не от планки самосознания, а от приспособляемости к социальным трансформациям, т.е. от успехов или неудач адаптационно-мобилизационной активности.

Для истолкования основного замысла и сценария проекта целесообразно перечислить некоторые «инструментальные приемы», с помощью которых фиксируются

представления и поведение граждан в сферах экономики, культуры и государства, а также в особо выделенных семейной и коммуникационной сферах.

Маргинальные по своему составу представления о состоянии экономики и путях улучшения ситуации в этой сфере имеют генетически сложное происхождение, вызванное пока еще незабытым советским опытом и еще не усвоенным новым. Однако для анализа реальных адаптационно-мобилизационных возможностей, безусловно, важно знать, что думают люди об итогах и последствиях переходов к рыночной экономике, об отношении к бизнесу и фермерским хозяйствам, о свободной купле-продаже земли, о том, как следует наводить порядок в России, чтобы улучшить ситуацию в экономике, и, наконец, в какой степени важна такая, неведомая для советских граждан ценность, как «быть богатым».

Репрезентативные опросы в 1993 и 1995 гг. по общероссийским выборкам (N=4000) показали, что в представлениях около двух третей взрослого населения дела в стране шли в неправильном направлении. Лишь каждый десятый общий ход трансформационных процессов в сфере экономики оценивал позитивно. Опрос молодежи в возрасте 24 лет и 31 года, проведенный там же по общероссийской выборке в 1997г., выявил приблизительно аналогичную картину (см. табл.4).

За период между 1993 и 1995 гг. доля взрослого населения, полагающего, что переход к рыночной экономике, т.е. от социализма к капитализму, должен быть быстрым, сократилась более чем в два раза, а удельный вес решительных противников такой трансформации возрос с 16,0 до 21,8%. Среди молодежи готовность к трансформациям была выше, чем среди взрослого населения. Среди тех, кому было 24 года, доля активных сторонников перехода к капитализму составляла 14,1%, а в возрасте 31 год доля «активистов» снизилась до 11,1% (см. табл. 4).

При переходе к капитализму труднее всего бывшие советские люди прощались с коллективистскими принципами, что находило свое выражение в отношении к колхозам и совхозам. Три четверти взрослого населения России в 1995 г. считали, что колхозы и совхозы должны быть со-

хранены и лишь 15,8% были настроены на то, чтобы они немедленно или постепенно были распущены (см. табл. 4).

Опасениями социальной поляризации, несущей в себе угрозу раскола и возникновения конфликтов, было вызвано желание более чем половины граждан России установить государственный контроль над доходами особо богатых людей. Тем не менее, 36,1% в 1993 г. и 27,3% в 1995 г. не считали целесообразным государственное вмешательство в доходы богатых людей. Лояльность к процессам обогащения среди молодежи была выше, чем среди остального населения. Каждый второй среди молодежи в возрасте 24 года и без малого половина (46,4%) тех, кому в 1997 г. был 31 год, считали, что государство не должно ограничивать доходы богатых граждан (см. табл. 4).

Особой консервативностью и неопределенностью отличались взгляды взрослого населения по отношению к свободной купле-продаже земли. За «капитализацию» земли отдали свои голоса лишь 14,5% россиян в 1993 и 10,2% в 1995 гг. По мере взросления радикализм молодежи также шел на убыль. Каждый пятый в возрасте 24 лет считал, что земля может быть предметом свободной купли-продажи. В возрасте 31 года лишь каждый пятый разделял подобную позицию (см. табл. 4).

Естественно, представления граждан о состоянии макроэкономики формируются на основе своего личного материального достатка или неблагополучия. В этой связи в ходе опроса фиксируются факторы, определяющие социально-политическую активность, профессиональную идентичность работодателя или наемного работника, новые критерии выбора места работы, необходимость заниматься какой-либо деятельностью, чтобы иметь дополнительный заработок, общественная значимость знания иностранных языков для достижения жизненного успеха.

Культурный «потенциал» фиксируется не только традиционным уровнем образования, представлениями о наиболее важных в культурологическом аспекте ценностях, но и осознанием своего чувства общности с людьми в сфере экономики, культуры и государственности, предрасположенностью к различным формам девиантного поведения, добыче разными

способами и расходованию денег, готовностью пожертвовать собой во имя родины, государства, интересов своего народа,

или солидарности между народами, религии, политической корысти или материального благополучия в будущем.

Таблица 4

Трансформационные процессы в представлениях сторонников и противников реформ (в % по итогам этносоциологических опросов)

Грани реформы		Противники	Сторонники
1. В каком направлении идут дела в России?		В неправильном	В правильном
А. Взрослое население Общероссийская выборка	1995	65.7	10.4
Б. Молодежь в возрасте 1997	24 года	59.3	19.2
мужчины	31 год	65.6	16.2
2. Каким должен быть переход к рыночной экономике в России?		Против перехода	Быстрым
А. Взрослое население Общероссийская выборка	1993 1995	16.0 21.8	14.6 6.3
Б. Молодежь в возрасте 1997	24 года	10.2	14.1
мужчины	31 год	14.0	11.1
3. Отношение к колхозам и совхозам		Должны быть	
		Сохранены	Распущены
А. Взрослое население Общероссийская выборка	1995	75.0	15.8
4. Отношение к свободной купле-продаже земли		Против	За
А. Взрослое население Общероссийская выборка	1993	37.2	14.5
Б. Молодежь в возрасте 1997	1995	41.2	10.2
мужчины	24 года	13.4	24.4
	31 год	20.5	20.8
5. Должно ли государство ограничивать доходы богатых?		Да	Нет
А. Взрослое население Общероссийская выборка	1993 1995	52.8 58.4	36.1 27.3
Б. Молодежь в возрасте 1997	24 года	35.9	50.4
мужчины	31 год	39.9	46.4

С культурологическим тесно связан блок семейных вопросов, с помощью которых выявляются состав и тип семьи, семейный статус и благополучие с диахронной и синхронной точек зрения, культивируемые в семье ценности и транслируемые из поколения в поколение, степень и уровень толерантности в семейных отношениях, в том числе традиционные уста-

новки на этнически смешанные браки, и необходимость родительского согласия на брак вообще и на этногетерогенные браки в частности.

В комплексе представлений о современном государстве Российском видное место занимает выявление мнений, взглядов и представлений о распаде Советского Союза, о Родине в широком и узком

смысле, о последствиях суверенизации республик, о приведении в соответствие с конституцией РФ и Федеральным законодательством конституций и законов, принятых в середине 1990-х гг. в республиках.

Исследование демократии, гражданского общества и федеративного устройства, как уже упоминалось, не является составной частью проекта. Для анализа адаптационно-мобилизационных интенций, технологий и достижений имеет смысл предусмотреть некоторые процедуры, необходимые для выяснения роли взаимной доверительности, государственной ответственности перед гражданами и гражданской лояльности населения. Выявленные представления о самом главном в демократии сопоставляются с ценностями, присутствующими в различных формах государственности.

В конце каждого блока вопросов, относящихся к экономике, культуре и государству, с помощью новых вопросов фиксируются предложения, предположения и представления граждан соответственно о том, что надо делать в первую очередь, чтобы улучшить экономическое положение страны и своего народа, социальное самочувствие граждан, чтобы Россию считали великой державой.

При конструировании анкеты особое внимание уделено наиболее актуализированным и политизированным идентичностям – этнической, конфессиональной, гражданской и языковой. Переменными на шкале каждой из них выступают знание догматики, следование в поведении принятым правилами игры и «душевное состояние», т.е. отношение (attitude) и к содержательному и поведенческому аспекту.

Методологической опорой для постановки такой исследовательской задачи послужили несколько концептуальных идей, в том числе теория межролевого конфликта, названная Э. Эриксоном диффузией идентичности⁷⁸, и поддержанная Грейсом Крайгом⁷⁹, призыв В.А. Тишкова «понимать многокультурность... как сложность, начинающуюся на уровне личности»⁸⁰, и сконструированная В.А. Ядовым (по метафоре Д. Узнадзе) схема «диспозиционной воронки» солидаризации⁸¹ и, наконец, многомерное понятие этноязыковых⁸² и компонентное изучение этнических явлений и процессов⁸³. Несмотря на необыч-

ные, едва ли не эпатажные термины, речь идет в каждом случае о довольно простых вещах.

Под диффузией идентичности понимается такое состояние, когда отдельный человек, или группа людей, особенно в молодом возрасте, оказываются не в состоянии разобраться в системе своих ролевых функций и интегрировать их в единую, целостную систему. Юноши и девушки порой мучительно ищут базисные ценности и установки, являющиеся идеологическим обоснованием той или иной социальной, культурной или профессиональной роли⁸⁴. Если при этом им не удастся интегрировать их в некую равнодействующую, т.е. в стержневую идентичность, то возникает серьезный конфликт между двумя идентичностями с несовпадающими системами ценностей. Такова, например, природа раскола в представлениях столичной молодежи в республиках Российской Федерации, выявленного в ходе этно-социологических исследований ЦИМО ИЭА РАН. Суть раскола в том, что 12,2% титульной молодежи считает для себя исключительно важной республиканскую гражданскую идентичность и неприемлемой общероссийскую (как будто они не живут в России и не являются ее гражданами) и, напротив, для 18,8% русской молодежи, значима общероссийская и неприемлема республиканская гражданская идентичность (как будто они не живут в республике)⁸⁵.

Сходство между этнической и конфессиональной идентификациями проявляется в том, что обе способны вовлекаться в политическую программу, вольно или невольно влияя при этом на ход трансформационных процессов. Разница между ними состоит в том, что энергия этнической мобилизации работает противоречиво, как на консерватизм, так и на демократизацию, если, например, иметь в виду ее механизмы самовоспроизводства в качестве несильно зависимых от государства, как элементы гражданского общества. Вектор религиозной энергии однозначно направлен в сторону фундаментализма и консерватизма. Этничность может быть резервуаром для формирования активных (мобильных) сторонников реформ, в то время как конфессиональность – скорее для пассивных наблюдателей.

Первое постсоветское десятилетие ознаменовалось бурным ростом привлекательности к религиозной и имущественной (быть богатым) идентичностей. Бывшая партноменклатура, почуяв выгоду, быстренько меняла партбилеты на кресты⁸⁶, заменяя тем самым одну (политическую) идентичность на две другие (религиозную и имущественную). Именно в этом совпадении по фазе и по времени несомненное сходство двух в целом несвойственных для советского человека идентичностей. Однако догматике религий у многих народов мира богатство как ценность противопоставлено. «У Магомета после смерти не осталось ни одного золотого динара, ни одного серебряного дирхема»⁸⁷. Христос пришел к беднякам и проклял богатство, мешающее войти в царство Божие. Осуждая христианство, как религию рабов, великий немецкий мыслитель Ф. Ницше безжалостно осудил христианского Бога, который отстаивал безличность, убогость, был «богом закоулка, богом всех темных углов и мест, всех нездоровых жилищ целого мира»⁸⁸.

Как объяснить нынешним олигархам, новым русским, или демократам, не обделенным ни властью, ни собственностью, вальяжно-скорбно стоящими со свечами в Елоховском соборе или в Храме Христа Спасителя, что их виртуальная религиозность и реальная имущественная состоятельность не вполне согласуются друг с другом, хотя и манифестирует цинизм их приспособляемости.

Сходство между религиозной и гражданской идентичностями состоит в том, что каждая из них основана на договоре: первая (на договоре между человеком и Богом, закрепленном в Ветхом и Новом Завете, вторая – на Конституции, представляющей договор между человеком и государством).

Различие между ними состоит в том, что Коран или Евангелие, как бы, заданы от имени Аллаха или Бога, как от высшего авторитета, а Конституция сконструирована самими людьми и для самих себя. При этом авторитет Конституции поддерживается государством. Сферой религии являются правила, ниспосланные Богом и рассчитанные на вечность и святость (по Гегелю). Сферой государства являются право, нравственность и хозяйственность, имеющие не вечный, а ограниченный срок действия, пока существует данное государство или установленный в нем режим.

Конечная цель государства, если оно претендует быть демократическим, – создание условий для свободы граждан. Свобода граждан – высшая цель государства. В религии, напротив, свобода не есть конечная цель. Религиозному человеку надлежит стремиться к послушанию, повиновению, отречению от своей воли и подчинению высшей Божественной воле. Словом, религия, подчиняет волю и свободы человека и в этом одно из главных противоречий между государством и религией, между гражданской и религиозной идентичностями.

Актуализация каждой идентичности – этнической, религиозной и гражданской – по-разному в разных ситуациях или укрепляет, или размывает толерантность, доверительность и солидарность в обществе. Каждая из них, опираясь на догматику, ритуалы, и практики способствует приобщению молодых поколений к нормам поведения и нормам общественного мнения.

Бескомпромиссное и жесткое выяснение отношений между парой идентичностей вносит разлад не только в души верующих и неверующих граждан, но и ведет к дестабилизации и расколу общества. Бесцеремонно отвергнутое православие в России в 1918 г. привело к гражданской войне и глубочайшей хозяйственной разрухе. В.И. Ленину пришлось идти на значительные уступки нерусским народам, наступив на горло своей великорусской и великодержавной песне, открыв зеленый свет этнической мобилизации с помощью двух НЭПов – новой экономической и новой этнической политики, курс которых был закреплен X съездом ВКП (б)⁸⁹.

В соседней Турции в те же примерно годы традиционный ислам был принесен Кемалем Ататюрком в жертву национализму, основанному на доисламской турецкой этнической культуре. Хотя, как отмечал Р. Белла, новая идеология национализма сумела завоевать горячую поддержку только среди немногочисленной элиты, тогда как не подавшийся трансформационным процессам ислам продолжал свое безраздельное господство в сельской местности⁹⁰.

Что касается маргинализации, если ее не путать с манкуртизацией, то можно согласиться с В.А. Тишковым, увидевшем в

этом явлении рациональное зерно («сложность, начинающаяся на уровне личности»). Если выпускник российской школы, уехав в Бостон, поспешил через 5-10 лет забыть Печорина, Чичикова, Флягина, Базарова, Наташу Ростову, Ольгу Ильинскую или Анну Снегину, а тем более русский язык, это, безусловно, манкурт, родства не помнящий. Если же, приобщившись к достижениям второй культуры, он не растерял ценности первой, то действительно ничего плохого в такой маргинализации нет.

Смысл метафоры «диспозиционной воронки» В.А. Ядова имеет скорее инструментальный, чем концептуальный смысл. «Вливаются» в нее (на то и создана анкета социолога) в качестве детерминант объективные и субъективные факторы, общие и особенные, ситуативные и частные причинности, а «выливается» установочная готовность личности к толерантности, доверительности, солидарности.

Если трансформационные процессы рассматривать через призму предложенной матрицы, то можно ожидать, что будут получены некоторые ответы на вопросы, откуда и куда идем, как осознается пройденный путь, каковы надежды на будущее, кто и как играет роль первой скрипки в тех или иных сферах общественной жизни, и какие происходят сдвиги в патерналистских и паритетных ценностных ориентациях широких масс («народного большинства» по терминологии Гордона и Клопова).

С вышеназванными идентичностями (ЭКГ) тесно переплетены, во-первых, многие другие идентичности – гендерные, семейные, профессиональные, любительские, например, по сходным хобби, земляческие, а, во-вторых, исторически сложившиеся принципы общежития и жизнеобеспечения. В отличие от Запада в России имеет место мощный крен в сторону духовности, частично связанный с этим акцент в сторону аскетизма в отличие от западного гедонизма, достаточно заметно выражено представление о такой социальной справедливости, когда происходит перераспределение части доходов богатых в пользу бедных, и симпатии коллективистским началам общественной жизни и деятельности в противовес инди-

видуальным, интегративным тенденциям в противовес дезинтегративным.

В длинном перечне идентичностей особое место занимает региональная идентичность, условно названная нами региональностью по сходной словообразовательной модели этничности. Мало кто задавался вопросом, какую важную роль на пути построения гражданского общества и квалифицированной гражданской идентичности играет региональная идентичность, т.е. чувство привязанности к своей малой родине, в определенной мере независимой от этнической принадлежности, но, безусловно, являющейся важным шагом к осознанию своей более широкой общегосударственной гражданской идентичности⁹¹.

Заигрывание ельцинских и пост-ельцинских властей то с олигархами, то с региональными руководителями, то с лидерами гражданских движений (наиболее яркий пример тому – Гражданский форум в ноябре 2001 г.), свидетельствует не только о социально-политической слепоте, но и о такой профессиональной всеядности в кадровой политике, которая вызвана незнанием элементарных вещей, какая из многочисленных идентичностей, когда, в какой ситуации, для каких целей и в какой степени больше всего она нужна отдельному индивиду или целой группе лиц.

Одной из особенностей трансформационных процессов является изменение баланса между сотрудничеством и конкуренцией, индивидуализмом и коллективизмом. В модификации этого баланса немалая роль принадлежала в прошлом – земле и золоту, т.е. пространству и богатству, а в новейшее время – фактору информации. За три десятилетия прошлого века информационная система и технологии ее сбора, обработки и доставки превратились в немаловажный фактор эволюции. Даже принято считать, что именно в конце ушедшего столетия сопряженное с информацией понятие «сеть» стало универсальной метафорой. Дискурс трансформационных процессов обогатился понятиями сетевой экономики, сетевой логики, сетевого интеллекта⁹², несколько ранее – сетевого графика и сетевого режима. Ни сетевой, ни матричный подходы не являются самоцелью. Для продуктивного осмысления происходящих транс-

формаций, мы не можем ограничиться описанием отдельных идентичностей, будь то этническая, или религиозная, гражданская или политическая, гендерная или профессиональная. Нам необходимо понять как различные идентификации и идентичности зависят одна от другой и как они взаимодействуют друг с другом. Иными словами, цель проекта состоит в том, чтобы в распознавании завтрашних конфликтов мы обратились к сегодняшним противоречиям между формирующимися идентичностями⁹³.

КАКАЯ РОССИЯ НАМ НУЖНА?

«России требуется сильное государство» – эту формулу отчеканил не президент России и не политики, близкие к Кремлю. Ясно и доказательно ее сформулировал в своей книге неистово влюбленный в свою профессию американский профессор Джерри Хафф⁹⁴, посвятивший значительную часть своей творческой биографии изучению системы управления Советским Союзом⁹⁵ и социальным трансформациям в постсоветской России⁹⁶.

Он один из первых обнаружил роковую ошибку Ельцинской администрации, предпринявшей переход к рынку без понимания важной роли государства в организации и функционировании рыночной экономики. В своем анализе хода и итогов экономических реформ в России, которые он, вопреки названию, данному своей книге, полусуто-полусерьезно, называет «неэкономические неререформы», напомнил о том, что формула Адама Смита «Рука невидимка» («invisible hand») подразумевает не анархию (отсутствие руки), «а... законы и стимулы, которые мощно воздействуют на экономистов и невмешательство правительственных чиновников»⁹⁷.

В самое последнее время звучат голоса, подвергающие сомнению широко распространенное среди демократов мнение о всесильной роли «невидимой руки» рынка. В российском дискурсе заметно поредел ряды его рьяных сторонников и, напротив, зазвучали голоса социологов и историков, убежденных в необходимости усиления в подъеме экономики роли государства. В этом смысле вполне оправдан

ретроспективный взгляд, во-первых, на нашу собственную историю: на НЭП с его двухкомпонентной планово-рыночной экономикой, на первые пятилетки, на быстрое восстановление СССР после Великой Отечественной войны, а во-вторых, на историю некоторых зарубежных стран, в том числе на курс выхода США из Великой депрессии в 1928-1932 гг., разработанный и реализованный под руководством Рузвельта, экономическое чудо Японии, как результат продуманного государственного укрепления экономикой, в котором государственное планирование сочеталось со свободным развитием рынка.

В переведенном недавно в Институте этнологии и антропологии РАН докладе ООН «"Видимые руки": Ответственность за социальное развитие» говорится о том, что «помимо сугубо экономических подходов к проблеме развития, существуют и другие, ..."видимые руки", которые играют не менее важную роль в успехе социальных трансформаций». В «Предисловии к русскому изданию» этого доклада В.А. Тишков решительно утверждает: «Сама по себе экономика "глупа", если она не построена на приоритете социальной справедливости, т.е. на учете интересов подавляющего большинства граждан, и не берет в расчет такие факторы, как постоянная борьба интересов в обществе, компетентность управленцев и уровень информированности простых людей, культурные установки и местные нормы, а также накопленное веками традиционное значение в области хозяйствования и обустройства социальной жизни»⁹⁸.

Нетрудно заметить, что наряду с правильно организованным рынком, как катализатором активности экономических субъектов, с новым курсом на усиление роли государства в управлении народным хозяйством, возрастают роль и значение адаптационно-мобилизационных интенций и поведенческих стратегий активных групп населения. Именно этот аспект является предметом предлагаемого проекта.

Некоторые интерпретаторы современных процессов социальной дифференциации не без оснований намекают на преждевременный отказ от учета классовых различий, которые вполне могут быть объективными факторами субъективной идентификации. Не случайно, например, М.Ф. Черныш солидаризируется с финским социологом М. Кивиненом, согласно

которому «классовый анализ не сводит все социальные явления к существованию классов», и что «существуют иные идентичности, могущие оставить классы в тени; "воображаемые" сообщества, такие как нации или религиозные идентичности, становятся особенно важными в ситуации, когда классы и гражданское общество слабо развиты, именно таково сейчас положение в России»⁹⁹.

Каждая идентичность проявляет себя в полной мере, если **Слово** (догматика и риторика каждой отдельно взятой идентичности) сопровождается **Делом** (поведением в соответствии с идеологией, правилами игры конкретной идентичности), и, наконец, подтверждается и апробируется **Духом**, осознанным отношением к **Слову** и **Делу**. Если, например, подсчет приверженцев той или иной религии вести огульно, только по их этнической принадлежности, полагая, к примеру, что все татары – мусульмане, то ничего кроме искажения реальной этноконфессиональной ситуации, мы не получим. Социологические опросы, проведенные ЦИМО в середине и во второй половине первого постсоветского десятилетия, показали, что в столицах республик, большинство (каждые трое из четверых или четверо из пятерых) признают себя верующими, но только один из двадцати посещает церковь или мечеть, следует предписаниям догм, в своем религиозном поведении. Иными словами, в религиозной идентичности наблюдается огромный разрыв между **Словом** и **Делом** и, подменяя одно другим, как это делают заинтересованные в пастве руководители религии и бездумно заигрывающие с ними политики, мы получаем искаженную картину. Наука к этой политической интриге не имеет никакого отношения.

Итак, при изучении адаптационно-мобилизационных интенций, достижений и технологий с помощью электрокардиограммы исходным является соображение о том, что «профессионализм» идентичности выражается в знании догматики, в то время как мастерство – в качественном исполнении догматов данной идентичности.

Важной составной частью каждой из идентичностей – этнической, конфессиональной и гражданской – является связь с базовыми понятиями этничности, производного от этноса, конфессиональности – от религии и гражданственности – от гражданства. Если базовые понятия пред-

ставляют собой социальные институты, то вторые скорее могут трактоваться как умонастроение, как поведение и как ценность института.

Матричный подход вполне может быть использован для проведения постоянного или спорадического мониторинга различного масштаба.

Его выводы, основанные на достаточных по количеству, и надежных по качеству социологических опросах будут представлять собой, во-первых, многопрофильную (на то и разработана матричная сеть) экспертизу, в которой в качестве экспертов наряду с представителями государственных органов и лидеров гражданских движений будут выступать широкие слои российских граждан, во-вторых, дадут богатую пищу для конструктивного и продуктивного диалога между представителями власти и гражданского общества, в-третьих, предоставят интеллектуальный продукт, свободный от чрезмерной политизации, конъюнктурной поспешности, а потому примитивной вульгаризации. Без анализа и учета мнений широкого круга граждан обществу грозит слепота, и как следствие топтание на месте.

Классические вопросы, «как возможно общество» и «как устроено общество», схожие, как близнецы-братья, еще со времен Томаса Гоббса, автора книг «О гражданине» (1642 г.), «Левиафан» (1651 г.), «О человеке» (1658 г.), до сих пор остаются центральными вопросами в предметном поле социологии. Матричный подход и изучение электрокардиограммы России открывает возможность, несколько видоизменив упомянутые формулы, «как возможна Россия», «как она устроена» задаться вопросами, какая Россия и какие народы нужны гражданам России и какие граждане и какие народы нужны, чтобы Россия считалась великой державой.

В отличие от современной политологии, в центре внимания которой документы и факты, акторы и акты, ситуации и мобилизации, социология прочно удерживает в поле своего зрения человека, обладающего целым набором идентификационных качеств и преследующего совокупность своих интересов. Первая чаще всего отвечает на второе «что происходит», вторая стремится узнать – «что за этим кроется».

Люди многообразны и индивидуальны – утверждают вслед за основоположниками социологических концепций, авторитет-

ные теоретики российской социологии и задаются, повторяя Георгия Зиммеля, острыми и вечными, как мир, вопросами: как же удастся людям быть одновременно и неповторимыми и типичными, и свободными, и зависимыми, и вне общества и внутри его?¹⁰⁰

Какие люди нужны России для развития ее экономики, для подъема культуры, для укрепления государственности и безопасности? Какой должна быть Россия? Каким должен быть каждый народ, чтобы составляющие его люди гордились своей принадлежностью к нему? Каким должен быть народ, чтобы считать себя достойным творцом великой державы и зрелого гражданского общества? Электрокардиограмма России только тогда может быть нормальной и адекватной, если взаимные представления и требования государства к своим гражданам и народам, а народов и граждан – своему государству не будут разделены между собой непреодолимым Гранд Каньоном.

Сегодня, в начале второго постсоветского десятилетия, тема распада СССР постепенно теряет свою политическую остроту. По крайней мере, об этом можно судить на том основании, что популярные западные фонды сокращают финансирование исследований по этой проблематике. В противоположность этому возрастает интерес, что есть Россия и из кого она состоит: земель, народов или только из отдельных граждан? И что для этих граждан особенно важно в экономике, дорого в культуре, приемлемо в государстве, комфортно в семье, в религии, в языке и языках общения.

Вопрос быть или не быть целостной России, таким образом, решается не только политиками и политическими интригами, но и тем, каковы ее люди и народы, и какое государство с сильной вертикалью власти или демократическое с гражданским обществом, какой капитализм, классический, по Марксу, или «прихватизаторский», по Гайдари-Чубайсу, им больше по душе.

«Если мы хотим сохранить Россию как целостное полиэтничное государство, – ставит безошибочный диагноз Л.М. Дробужева, – нужна политика, позволяющая согласовывать интересы личности и государства, этнических групп большинства и меньшинства»¹⁰¹. С этим трудно не согласиться.

Можно вслед за Эриком Хобсбаумом, экстраполируя крылатую формулу Массимо д'Адзельо с итальянской на российскую реальность, сказать: «Мы создали Россию, теперь нам нужно создавать россиян», то есть сограждан, для которых близки и дороги такие новые реформационные ценности, как **толерантность** – готовность сторон идти на взаимные уступки и самоограничения в сферах, где затрагиваются интересы разных лиц и сторон, **доверительность** – готовность к участию в инициированной кем-то деятельности, **солидарность** – готовность к совместно или автономному решению задач во имя достижения общей цели.

Электрокардиограмма России представленная в виде идентификационной матрицы ее населения, призвана привнести дополнительную информацию о том, в какой точке между двумя системами базовых социальных институтов находится Россия на рубеже первого и второго постсоветских десятилетий. Между так называемой западной, основанной на частной собственности, рыночной экономике, политических институтах гражданского общества или восточной, основанной на общественно-служебной собственности, нерыночной («сдаточно-раздаточной») экономике, жестко централизованной власти и управлении, а также на безусловном приоритете интересов государства по отношению к правам и интересам граждан¹⁰².

Основные причины замедления роста экономики России в первом постсоветском десятилетии довольно просты: уровень инвестиций падал значительно быстрее, чем уровень производства¹⁰³. Если этот вывод проницательного Джерри Хаффа верен, то это означает, что замедленное формирование адаптационно-мобилизационных технологий объясняется еще более замедленным инвестированием средств и усилий в данную сферу. Этот гипотетический прогноз, наряду с указанными выше, и положен в основу предлагаемого проекта при реализации которого, разумеется, возможны корректировки и дополнения.

В самом деле, если люди на собственном опыте не смогут ощутить реальную выгоду от экономических реформ, трудно будет надеяться на широкую поддержку ими трансформационных процессов. Достаточно сравнить представления о ходе

реформ среди двух групп лиц, в семьях которых произошло улучшение или ухудшение экономического положения за истекший год. Согласно представительным опросам, проведенным в 1995 г. по общереспубликанским выборкам, от 7,9% до 17,5% взрослого населения в Кабардино-Балкарии, Дагестане, Башкортостане и Татарстане «существенно» или «немного» улучшило, а от 54,0% до 69,7% «существенно» или «немного» ухудшило свое экономическое положение (см. табл. 5).

В целом отрицательная динамика оценок материального положения семьи за 1994 г. создает удручающее впечатление. Однако за этим тривиальным, и, в целом,

общеизвестным фактом кроются более интересные закономерности. Оказывается, что более общие оценки хода трансформационных процессов в немалой мере зависят именно от того, как складывалось экономическое положение семьи за истекший год. Если в целом по Кабардино-Балкарии удельный вес противников рыночной экономики в 7,4 раза превышал долю тех, кто считал, что должен быть быстрым, то в семьях с отрицательной экономической динамикой эта разница достигала 30,3 раза. Аналогичные показатели по Дагестану составили соответственно 4,4:9,4, по Башкортостану – 5,3:17,6, по Татарстану – 2,2:4,5 (см. табл. 6).

Таблица 5

Динамика экономического положения семьи в 1994 г. по сравнению с 1993 г. (в % по итогам опроса)

Республики	Экономическое положение семьи в течение 1994 г.				
	Улучшилось	Осталось без изменений	Ухудшилось немного	Ухудшилось существенно	Затруднились ответить
Кабардино-Балкария	7.9	15.4	26.1	43.6	7.0
Дагестан	17.5	22.2	26.1	29.2	4.9
Башкортостан	15.4	16.8	25.4	39.0	3.5
Татарстан	17.0	22.2	23.6	30.4	6.8

Таблица 6

Отношение к экономическим реформам в семьях с улучшившимся и ухудшившимся экономическим положением в течение 1994 г. по сравнению с 1993 г. (в % по итогам опроса)

Республики	Динамика экономического положения							
	Переход к рыночной экономике		Отношение к бизнесу		Отнош. к купле-продаже земли			
	Сторонники	Противники	Сторонники	Противники	Сторонники	Противники		
	Акт.	Пас.	Акт.	Пас.				
<i>Северный Кавказ</i>								
Каб.-Балкария	5.1	38.9	37.7	4.9	40.7	41.9	8.0	25.0
Улучшилось	25.6	40.6	12.5	26.3	51.3	18.2	30.0	12.5
Ухудшилось	1.8	26.6	54.6	0.9	26.6	58.8	3.6	37.1
Дагестан	7.2	41.0	31.7	7.6	45.4	40.3	12.8	31.8
Улучшилось	13.1	55.8	16.6	13.4	60.6	21.3	20.0	15.1
Ухудшилось	5.1	24.4	48.1	3.1	33.5	58.2	8.8	46.9
<i>Поволжье и Урал</i>								
Башкортостан	5.6	41.3	29.5	6.0	42.7	43.2	15.8	31.1
Улучшилось	15.1	56.4	6.2	16.0	56.9	17.8	29.4	5.6
Ухудшилось	2.4	27.6	42.2	2.1	32.6	57.4	9.5	46.8
Татарстан	8.4	41.1	18.5	4.8	45.1	37.7	20.8	15.8
Улучшилось	11.9	52.1	9.1	11.1	55.7	26.2	31.9	7.8
Ухудшилось	6.6	32.8	29.8	2.5	58.4	52.4	15.9	24.7

Следовательно, по мере увеличения долей семей с отрицательной динамикой экономического положения, расширялись масштабы негативного отношения к экономической реформе, слабели факторы адаптационно-мобилизационного комплекса, расширялись группы людей с настроениями угнетенности, апатии и социального пессимизма. Росло недоверие к процессам социальной дифференциации и поляризации на бедных и богатых, возникало раздражение к предпринимательству, бизнесу и бизнесменам. По данным тех же опросов в Кабардино-Балкарии, удельный вес лиц, не приемлющих появления бизнесменов, в 8,7 раз превышал долю тех, кто приветствовал появление бизнесменов, считал, что только они (бизнесмены) смогут вывести экономику страны из кризиса. Среди тех же, у кого финансовое положение семьи ухудшилось за последний год, доля первых превышала долю вторых в 65,3 раза. В отдельных республиках соответствующие пропорции выглядели однотипно и выражались в следующих пропорциях: в Дагестане – 5.3:18.8, в Башкортостане – 7.2:27.3, в Татарстане – 7.8:21.0 (см. табл. 6).

Отношение к свободной купле-продаже земли подчинялось сходной закономерности. В целом по Кабардино-Балкарии доля лиц «безусловно» несогласных с тем,

чтобы земля находилась в частной собственности, в 3,1 раза превышала долю тех, кто «безусловно» был с этим согласен. В тоже время в семьях с неблагоприятной динамикой экономического положения доля первых превышала удельный вес вторых в 10,3 раза. Ситуация и зависимость представлений о купле-продаже земли от динамики экономического состояния складывались по сходной с Кабардино-Балкарией модели, о чем засвидетельствовали полученные по итогам опросов, пропорции, в том числе по Дагестану – 2.5:5.3, по Башкортостану – 3.0:4.9, по Татарстану – 0.8:1.5 (см. табл. 6).

Становление комплекса адаптационно-мобилизационных технологий – процесс исторически непростой: как в прошлом, после распада многих империй – Британской, Императорской России, Османской, Австро-Венгерской, так и в настоящем – после распада Советского Союза, Югославии, Чехословакии. Отношение бывших советских граждан к социально-экономическим трансформациям носит неустойчивый, во многом ситуативный, региональный и локальный характер. Это отношение в немалой мере зависит от электрокардиограммы ((ЭКГ) и коэффициента позитивных действий (КПД), измерение и анализ которых предусматривается предлагаемым проектом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Hough, Jerry F.* The Logic of Economic Reform in Russia. – Washington, 2001. – P.13-14.
2. *Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н.* Молодежь России: Три жизненные ситуации: Специализированная информация. III. – М., 1998; Культурные миры молодых россиян: Три жизненные ситуации / Руководитель авторского коллектива – С.В. Туманов. – М., 2000.
3. *Hough, Jerry F., Davidheiser, Evelyn and Lehmann, Susan Goodrich.* The 1996 Russian Presidential

Election. – Washington: Brookings Instit. Press, 1996; *Hough, Jerry F.* Democratization and Revolution in the USSR: 1985-1991. – Washington: Brookings Instit. Press, 1997; *Latin, David D.* Identity in Formation. The Russian Speaking Population in the Near Abroad. – Cornell Univ. Press, 1998; *Hough, Jerry F.* The Political Geography of European Russia: Republics and Oblasts / *Post-Soviet Geography and Economics.* – 1998. – V. 39. – N 2. – P. 63-95; *Lehmann, Susan Goodrich.* Inter-Ethnic Conflict in

- the Republics of Russia in Light Religious Revival / Post-Soviet Geography and Economics. – 1998. – V. 39. – N 8. – P. 461-493.
4. *Губогло М.Н.* Мобилизованный лингвизм / Сер.: Переломные годы. – Т. 1. – М., 1993; Языковая реформа: 1989: Документы и материалы / Сер.: Переломные годы. – Т. II. – М., 1994; Язык и национализм в постсоветских республиках. – М., 1994; *Губогло М.Н.* Этнополитическая ситуация в Казахстане в представлениях его граждан / Казахстан: Реалии и перспективы независимого развития. – М., 1995. С. 235-294; его же. Развивающийся электорат России: Этнополитический ракурс. – Т. 1: Истоки. – М., 1995; Федерализм власти и власть федерализма. – М., 1997; *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. – М., 1998; *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские в Молдавии: Миграция или адаптация? – М., 1998; Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. – М., 1999; *Губогло М.Н.* Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей: Опыт Приднестровья / Непризнанная Республика. – Т. 3. – М., 1999. – С. 43-98; его же. Может ли двуглавый орел стать с одним крылом?: Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. – М., 2000; *Губогло М.Н., Смирнова С.К.* Феномен Удмуртии: Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX в. – М., 2001.
 5. *Торукало В.П.* Нация: История и современность. – М., 1996; Многонациональный Одесский край: Образ и реальность: Документы. Очерки. Материалы. – Т.1: Этнополитическая модернизация. – Т.2: Этнополитическая стратификация. – Т. 3: Этнополитическая мобилизация. – М., 1997; *Амелин В.В.* Вызовы мобилизованной этничности: Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. – М., 1997; *Лежва Г.П.* Между Грузией и Россией: Исторические корни и современные факторы абхазско-грузинского конфликта (XIX-XX). – М., 1997; *Полякова Т.М.* Менталитет полиэтнического общества: Опыт России. – М., 1998; *Шаббаев Ю.П.* Этнокультурное и этнополитическое развитие народов Коми в XX в. – М., 1998; *Анайбан З.В., Губогло М.Н., Козлов М.С.* Формирование этнополитической ситуации: Очерки истории постсоветской Тувы. – Т.1. – М., 1999; *Сафин Ф.Г.* Этноязыковые процессы в Башкортостане в XX столетии. – М., 2000.
 6. Общественные движения в Мордовии: Документы. Материалы / Автор вступит. статьи и сост. В.В. Маресьев. – М., 1993; *Сафин Ф.Г.* Принципы этнополитической истории Башкортостана. – М., 1997; *Чумалов М.Ю.* Каспийская нефть и межнациональные отношения. – М., 1999; *Губогло Е.М.* Формирование постконфликтного синдрома в сфере этногосударственных отношений: Опыт Молдовы и Приднестровья / Автореф. дис.... канд. ист. наук. – М., 2000; *Гафуров А.М.* Формирование этнической, конфессиональной и гражданской идентичностей национальностей Башкортостана в 90-е гг. XX в. / Автореф. дис.... канд. ист. наук. – М., 2000.
 7. Россия: Трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. – М., 2001.
 8. Российское общество и радикальные реформы: Мониторинг социальных и политических индикаторов / Под ред. В.К. Левапова. – М., 2001.
 9. *Гордон Л.А., Клонов Э.В.* Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. – Т.1: Меняющаяся страна в меняющемся мире: Предпосылки перемен в условиях труда и уровне жизни. – Т. 2: Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: Занятость, заработки, потребление. – М., 2001.
 10. Региональное развитие: Опыт России и Европейского Союза / Отв. ред. А.Г. Гранберг. – М., 2000.
 11. *Кара-Мурза С.* Научная картина мира, экономика и экология. – М., 1996; его же. Интеллигенция на пепелище России. – М.: Бьпина, 1997; его же. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000; его же. Истмат: Проблема Восток-Запад. – М., 2001; его же. Советская цивилизация. – Кн. 2: От Великой Победы до наших дней. – М., 2001.
 12. *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация. – Кн. 2: От Великой Победы до наших дней. – М., 2001. – С. 190-682.
 13. *Latin David D.* Identity in Formation: The Russian-speaking Populations in the Near Abroad. – Cornell University Press, 1998.
 14. *Hongh, Jerry F.* The Logic of Economic Reform in Russia. – Washington, 2001.
 15. *Hagendoorn L., Linssen H., Tumanov S.* Intergroup Relations in States of the Former Soviet Union: The Perception of Russians. – 2001.
 16. *Maalouf A.* In the Name of Identity: Violence and the Need to Belong / Пер. с франц. на англ. Б.Брей. – New York, 2000.
 17. *Barry, Brian.* Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. – Harvard Univ. Press, 2001.
 18. *Volkan, Vamik.* Blood Lines: From Ethnic Pride to Ethnic Terrorism. – Colorado, 1998.
 19. *Андерсон, Бенедикт.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. – М., 2001.
 20. Нации и национализм / Пер. с англ. – М., 2002.
 21. Политическая наука: Новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.Д. Клингемана / Ред. русс. изд. Е.Б. Шестопал. – М., 1999.
 22. *Ослунд, Андрес.* Россия: Рождение рыночной экономики. – М., 1996.
 23. *Тишков В.А.* Интервью с профессором В.А. Типковым // Журнал социологии и социальной антропологии. – Т. IV. – N 16. – СПб., 2001. – С. 13.
 24. *Арутюнян Ю.В.* Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР: Программа, методика и перспективы исследования // Советская этнография. 1972. – N 3. – С. 5.
 25. *Смелзер, Нейл.* Социология. – М., 1994. – С. 655.
 26. *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. – С. 9-10.
 27. *Tilly, Charles.* From Mobilization to Revolution. – Addison Wesley, 1978.
 28. *Гинс К.Г.* Предприниматель. – М., 1992; *Зарубина Н.Н.* Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. – М., 1998.
 29. *Alain, Tourain.* The Voice and the Eye: An Analysis of Social Movements. – Cambridge, 1981.
 30. *Etzioni, Amitai.* The Active Society. – 1968.

31. Яковенко И.Г. Государство: Дополнительность социокультурного анализа // Россия: Трансформирующееся общество. – М., 2001. – С. 177.
32. Хакимов Р. Сумерки империи: К вопросу о нации и государстве. – Казань, 1993. – С. 71. Цит. по: Дробижеева Л.М. Этничность в современной России: Этнополитика и социальные практики // Россия: Трансформирующееся общество. – М., 2001. – С. 200.
33. Вебер А.Б., Галкин А.А., Красин Ю.А. Тенденции политического развития России // Россия: Трансформирующееся общество. – М., 2001. – С. 193.
34. Абдулатипов Р. Перевернуть пирамиду. – Независимая газета. – 2001. – 14 ноября.
35. Ядов В.А. А все же умом Россию понять можно // Россия: Трансформирующееся общество. – М., 2001. – С. 12.
36. «Англичане – хозяева Индии, – писал Ж.А. Гобино в 1853 г., – однако их нравственное влияние на подданных равно почти нулю», и делал далее убедительный прогноз: «Придет день, когда тем или иным образом, Индия начнет жить снова по своим законам, как она делает это и сейчас, только скрытно, и благодаря нынешней расе или метисам, восстановит свою политическую сущность». Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. – М., 2001. – С. 45.
37. Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. – М., 2001. – С. 53.
38. Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры / Сост. и вступит. ст. В.К. Кантора / Подг. текста и примеч. В.К. Кантора и О.Е. Майоровой. – М., 1989. – С. 221.
39. Там же. – С. 190.
40. Погодин, Федор. Гражданское общество с русской душой // Независимая газета – 2001. – 21 ноября.
41. Гоффлер, Элвин. Метаморфозы власти. – М., 2001 – С. 36-37.
42. Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии: Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX в. – М., 2001. – С. 183-185.
43. Таблица составлена по: Регионы России: 1999. – М., 1999. – С. 104-105, 192-193, 210-212, 244-245; Российский стат. Ежегодник: 1999. – М., 1999, – С. 77-97, 108-113; Текущий архив Госкомстата РФ по статистике: Труд и занятость в России: Стат. сб. – М., 1999. – С.59-60; Распределение населения России по владению языками: По данным микропереписи 1994. – М., 1995. – С.173-191.
44. Народы и конфессии Приволжского федерального округа: Справочник для государственных служащих / Отв. ред. В.Ю. Зорин. – М., 2001.
45. Арутюнов С.А. Этнография и время // IV Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. – М., 2001. – С. 11-12; Тишков В.А. Восприятие времени // Там же. – С. 34-35.
46. Губогло М.Н. Этнология и современность: Конгресс этнографов и антропологов России // Этнографическое обозрение. – 1998. – N 3; III Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. – М., 1999; IV Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов / Нальчик, 20-23 сентября 2001 г. – М., 2001.
47. Тишков В.А. Этнология и политика. – М., 2001.
48. Тишков В.А. Антропология российских трансформаций // III Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. – М., 1999. – С. 12.
49. См. подробнее: Культура жизнеобеспечения: Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). – Ереван, 1983; Арутюнов С.А., Маркарян Э.С., Мкртумян Ю.И. Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса. – Советская этнография. – 1983. – N 3. – С. 26.
50. См. напр.: Губогло М.Н., Смирнова С.К. Феномен Удмуртии: Парадоксы этнополитических трансформаций на исходе XX в. – М., 2001.
51. Тишков В.А. Указ. соч. – С. 14-27.
52. Пименов В.В. Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. – Л., 1977. С. 15.
53. Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры / Сост. и вступит. ст. В.К. Кантора / Подгот. текста и примеч. В.К. Кантора и О.Е. Майоровой. – М., 1989. – С. 66.
54. Там же. – С. 22.
55. Толерантность и согласие: Мат.-лы междунар. конф. / Толерантность, взаимопонимание, согласие. Якутск. Июнь. 1996. – М., 1997.
56. Дробижеева Л.М. Толерантность и рост этнического самосознания: Пределы совместимости // Там же. – С. 61-68.
57. Тишков В.А. Интервью с профессором Валерием Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб, 2001. – Т. IV. – N 4. – С. 7.
58. Губогло М.Н. Развивающийся электорат России: Этнополитический ракурс. – Т. I. Истоки. – М., 1996. – С. 43-53.
59. Гудков, Лев. Антисемитизм в постсоветской России // Нетерпимость в России: Старые и новые фобии. – М., 1999. – С. 61.
60. Гудков, Лев. Указ. соч. – С. 50.
61. Там же. – С. 554.
62. Там же. – С. 67. См также: Гудков Л.Д. Динамика этнических стереотипов и проблема толерантности // Толерантность и согласие. – М., 1997. – С. 158-168.
63. Hough J.F. Ibid. – P. 15.
64. Hough J.F. Ibid. – P. 14.
65. См. подробнее: Кара-Мурза С. Советская цивилизация. – Кн. 2. От Великой победы до наших дней. – М., 2001. – С. 124.
66. Ядов В.А. Солидаризация рабочих в российской действительности: Замысел исследования и теоретические предпосылки // Солидаризация в рабочей среде. – М., 1998. – С. 1112.
67. Политология: Энциклопедический словарь. – М., 1993. – С. 354.
68. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – NJ. Цит по: Религия и общество – М., 1996. – С. 699.
69. Белла Р. Социология религии // Американская социология. – М., 1972. – С. 265-268.
70. Дюркгейм Э. Социология религии и теория познания // Религия и общество. – М., 1996. – С. 116.
71. Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. – М., 1996. – С. 20.
72. Губогло М.Н. Этничность. Конфессиональность. Гражданственность: ЭЖГ России // Россия в ус-

- ловиях трансформаций: Историко-политологический семинар. – М., 2000. – Вып. 5. – С. 4-31.
73. Шубкин В.Н., Иванова В.А. Страхи, тревоги, способность противостоять им // Россия: Трансформирующееся общество. – М., 2001. – С. 348-358.
 74. Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры / Сост. и вступ. ст. В.К. Кантора. – М., 1989. – С. 307.
 75. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. – М., 1950. – Т. 5. – С. 694.
 76. Чернышевский Н.Г. Там же. – С. 694-695.
 77. Гудков, Лев. Антисемитизм в постсоветской России // Нетерпимость в России: Старые и новые фобии. – М., 1999. – С. 73.
 78. См.: Эрикссон Э.Г. Детство и общество / Пер. с англ. – СПб, 1996. – Ч. 1. – С.47-162. – Ч 4. – С. 387-588.
 79. Крайг, Грейс. Психология развития. – СПб, 2002. – С. 90.
 80. Тишков В.А. Интервью с профессором Валерием Типковым // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. Т. IV. – N 4 (16). – С. 20.
 81. Ядов В.А. Солидаризация рабочих в российской действительности: Замысел исследования и теоретические предпосылки // Солидаризация в рабочей среде. – М., 1998. – С. 15-16.
 82. Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. – М., 1984.
 83. Пименов В.В. Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. – Л., 1977.
 84. Эрикссон Э.Г. Идентичность: Юность и кризис / Пер. с англ. – М., 1996.
 85. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. – М, 1998. – С. 745.
 86. Кантор В.Н. Русский европеец как явление культуры. – М., 2001. – С. 462.
 87. Коран. Священная книга мусульман / Пер. с араб. – М., 1995. – С. 13.
 88. Ницше Ф. Антихрист: Проклятие христианству: Афоризм 17 // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 573, 644.
 89. Губогло М.Н., Сафин Ф.Г. Принудительный лингвизм: Социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920-1930-е гг. – М., 2000.
 90. Белла Р. Социология религии // Американская социология. – М., 1972. – С. 268-281; Религия и общество. – М., 1996. – С. 674.
 91. Губогло М.Н. Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей: Опыт Приднестровья // Непризнанная республика. – М., 1999. – Т. 3. – С. 43-98; См. также: Этничность и религиозность в сфере этногосударственных отношений Прикамья // Межэтнический мир Прикамья. – М., 2001. – Т. 4. – С. 305-342.
 92. Гуревич П. Конфигурация могущества // Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Пер. с англ. – М., 2001. – С. 6.
 93. Latin, David. Identity in Formation: The Russian Speaking Population in the Near Abroad. – Cornell Univ. Press, 1988; Тоффлер, Эвлин. Метаморфозы власти. – М., 2001. – С. 16.
 94. Hough, Jerry F. The Logic of Economic Reform in Russia. – Washington, 2001. – P. 236.
 95. Hough, Jerry F. How Soviet Union is Governed? – Harvard Univ. Press, 1979.
 96. Hough, Jerry F. The Russian Election of 1993: Public Attitudes toward Economic Reform and Democratization // Post-Soviet Affairs. – 1994. – V 10. – N. 1. – P. 1-37.
 97. Hough, Jerry F. The Logic of Economic Reform in Russia... – P. 235.
 98. Тишков В.А. Предисловие к русскому изданию // Видимые руки: Ответственность за социальное развитие: Доклад Исследовательского института по проблемам социального развития при ООН / По материалам форума «Женева 2000». – М, 2001. – С. 3.
 99. Kivinen, M. Sociology and Russia. – Helsinki, 2000. – P. 155. Цит. по: Черныш М.Ф. Социальная дифференциация: Множественность форм // Россия: Трансформирующееся общество. – М., 2001. – С. 82.
 100. Филиппов А.Ф. Социология пространства как теоретическая альтернатива // Россия: Трансформирующееся общество. – М, 2001. – С. 48.
 101. Дробижска Л.М. Этничность в современной России: Этнополитика и современные практики // Россия: Трансформирующееся общество. – М., 2001. – С. 200.
 102. Характеристике этих двух систем базовых социальных институтов посвящен ряд работ. При этом активно обсуждаются исследования Курдиной С.Г., напр., ее книга: Институциональные матрицы и развитие России. – М, 2000; См. также: Кузьмин В.В., Эйдельман Я.Л. Базовые социальные институты в человеческом измерении // Общество и экономика. – 2001. – N 3-4; Лукьянова Т.Н., Убиенных Т.Н., Эйдельман Я.Л. Экономическая реформа в России: Культурные барьеры // Россия: Трансформирующееся общество. – М, 2001. – С. 123-142.
 103. Hough J. Ibid. – P. 14.